

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

А.Кольцов

Под созвездием Большого Пса

Луны больше не будет!
КНИГА I

Под созвездием Большого Пса. Луны больше не будет!

Анатолий Кольцов

**Под созвездием Большого Пса.
Луны больше не будет! Книга 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кольцов А. Н.

Под созвездием Большого Пса. Луны больше не будет! Книга 1 /
А. Н. Кольцов — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Под созвездием
Большого Пса. Луны больше не будет!)

Множество споров вызывает процесс появления на орбите Земли её спутника Луны. Единственное, в чём согласны спорщики, это в том, что Луна, это часть самой Земли. Хотя и существуют некие теории, что луну подтащили на орбиту поближе к Земле некие разумные существа, которые до сих пор обитают внутри неё. Они утверждают, что Луна снабжена прочным каркасом и именно он удерживает её внешний контур в виде шара. Не станем спорить с выросшими в большие тома версиями её происхождения, а расскажем вам одну историю, которая многое может прояснить в этом незаурядном явлении, под названием - Луна. Содержит нецензурную брань.

Луны больше не будет!

Вместо предисловия.

Огромное количество споров вызывает процесс появления на орбите Земли её спутника Луны. Единственное, в чём согласны спорщики, это в том, что Луна, это часть самой Земли. Хотя существуют утопические теории, что луну подтащили на орбиту поближе к Земле некие разумные существа, которые до сих пор обитают внутри неё. Они утверждают, что Луна снабжена прочным каркасом и именно он удерживает её внешний контур в виде шара. Не станем спорить с, выросшими в большие тома, версиями её происхождения, а расскажем вам одну историю, которая многое может прояснить в этом незаурядном явлении, под названием – Луна.

Глава 1

О Луне с любовью

Ночь. Сказочная ночь, самая звёздная, самая лунная, самая прекрасная из всех ночей в нашей жизни. Возможно, что о ней, именно об этой сегодняшней ночи, любой из нас может говорить, без остановок и перерывов, не умолкая, всю свою оставшуюся жизнь. О ней, об этой очаровательной, волшебной, околдовывающей всех и вся ночи, можно высказываться с любовью, как о близкой знакомой. А можно со страхом и трепетом, словно о могучем, пугающем гигантскими размерами исполине, угрожающем всему живому откуда-то из глубин крошечной тьмы, впадая от всего этого в полное отчаяние. Однако, более оптимистичные люди могут видеть в ней нескончаемую надежду на завтрашний, многообещающий день, который непременно придёт ей на смену, вместе с утренним рассветом.

Некоторых ночь сильно пугает своей почти волшебной потаённостью, неопределённостью, скрытностью. К примеру, путник, случайно застигнутый в дороге ночью, страшится каждого своего последующего шага. Другие ждут её с нетерпением, например, как некий безвестный поэт, который ожидает прихода следующей новой ночи, а с ней и долгожданного лирического вдохновения для очередного прекрасного душевного порыва. Ну и, конечно же, влюблённые. Они ждут этой самой ночи с трепетом и надеждой, для них есть только одно единственное желание, что бы она, эта и все последующие ночи длились вечно и никогда не заканчивались.

Ночь для людей, ночь для зверей, ночь для растений, ночь для воды и ночь для огня. Тихая, очаровывающая пространства ночь, в полнолуние способна сотворить с человеком столько чудес, что всех за один раз и не перечислить. В заумных книжках пишут, что животные и растения получают свою, особенную, информацию лунными ночами: полная луна, один сигнал, тонкий заострённый серп подаёт им совсем другие указания и всё это происходит вокруг нас, но без нас и что характерно, срабатывает безотказно, гармонично, давно и очень надёжно.

Ночное звёздное небо, полная Луна, а ведь для многих она, как родная, хотя всех одновременно и впечатляет и настораживает. Но вот не понимают Луну одни только дотошные учёные. Им совершенно не до её лирического очарования, им даже не до сигналов, которые она посылает всем и им в том числе. Вот если бы произошло чудо из чудес и Луна вдруг заговорила... Ведь большинство из них кинулись бы за карандашом и бумагой, чтобы зафиксировать точное время интересного события, да и только! Им, недотёпам, в этот грандиозный момент будет даже невдомёк, что она заговорила именно с ними, и ей, в общем-то, есть, что сказать, чем поделиться. Но им ведь всё время, подавай исключительно только математические данные, какие угодно, любые, только так, чтобы ни у кого их больше не оказалось, а только у них. Расстояния им подавай – от... и до... Подавай массу – сначала того, затем и этого, а потом вместе

и вновь по рознь. Однако, а сколько же тайн хранит это древнее светило? До сих пор наука не в состоянии их даже сосчитать. Только избавятся от одной тайны, выведут её, так или иначе, на чистую воду, ан, нет, следом появляется ещё несколько других, столь же неприступных и столь же притягательных. Но самая страшная тайна, это откуда взялась эта самая Луна? Пишут, что нечто огромное треснулось о Землю и откололо Луну, потом зашвырнуло её на орбиту, с расстоянием в, страшно сказать, сколько тысяч километров. Эх, если бы знать точно. Один мой знакомый противник этой гипотезы, если можно так выразиться, мне как-то рассказал об этом тайном и сокровенном происхождении Луны, но с собственным видением процесса:

– Учёные, ёшкин кот, до чего додумались... Как можно отколоть от куска каменюки (*имеется в виду планета Земля*) почти половину и оставить эту каменюку на том же месте, на котором ей врезали, да ещё и с такой силищей.

Ни с того ни с сего, как бы самому себе, проговорил, сидящий рядом со мной, одноклассник и друг, Макаров Шурка, с которым мы просто загорали на берегу речки.

– Шурка, это ты о чём, про какую такую каменюку говоришь?

Переспросил я, неожиданно высказавшегося друга.

– Какую, какую, да вон про ту, что светиться наверху.

Утвердительно кивнул он на небо, в ту сторону, где виднелась бледная округлость дневного диска Луны.

– Про Луну, что ли?

Ещё разок переспросил я, не понимая, о чём идёт речь.

– Про неё.

Глядя вверх, с укоризной, проговорил мой школьный друг. И тут же продолжил свои размышления:

– Помнишь, месяц назад мой батяка камней к дому понавёз, когда мы фундаменты под сараи заливали. Так я выбрал камень, такой что поокруглее, подвесил его на сук верёвками и врезал по нему кувалдой. Так врезал, что искры полетели. Чуть собственного глаза не лишился. Вспоминать страшно. Так вот, камень мой отскочил от кувалды, а кувалда от камня... Камень-то отшатнулся вперёд и обратно на меня полетел, я едва из под него вывернулся, а кувалда та, мне на ногу шмякнулась. Так вот, камень висит себе, раскачивается, а раскалываться на куски и не думает. Я от боли скулю, ногу оттираю, из глаз искры сыплются, ярче чем от камня, а Луну, размером с четверть, от него так и не отколол.

– Вот чудак, чего же ты от камня Луну откалываешь. Нам же показывали картинки, внутри земли всё расплавлено, там, внутри, эта, как её, манта.

– Сам ты, «манта», магма там под земной корой, расплавленная. Ну и что с того? Вон погляди на Тянь-Шань, там, что не камни, по-твоему?

– В общем-то, камни. Что тут скажешь.

Шурка рассказывал мне всё это на полном серьёзе, как будто опыты в лаборатории проводил, а я, как представил себе кувалду, падающую ему на ногу, меня аж передёрнуло. И смешно и больно одновременно, словно не по его, а по моей ноге досталось. Да, и Шурка, видно по старой памяти, слегка потёр свою правую ступню.

Детские забавы, казалось бы. Нам тогда всего-то по двенадцать лет было, но этот странный разговор так сильно запал мне в душу, что помню его и по сей день, как вчера, слово в слово.

– А с чего ты взял, что её, Луну, нужно откалывать? Она у нас осколок Земли, что ли?

Чуть не рассмеявшись, спросил я его.

– Конечно осколок. Это я в астрономии вычитал. У соседа, Ромки, взял со стола книжку, а там про Луну всё расписано, как появилась, как отскочила, почему одним боком к нам висит. Я читаю, а самому жуть как интересно. Вот и подумалось: если в нас, в Землян, врезалась

какая-то дурында, то почему мы остались на месте, а Луна отлетела на огромное расстояние. Я проверил всё это с камнем, нет, по писаному не выходит, мы должны были тоже отскочить.

На такой уверенной нотке завершил свои рассуждения Шурка Макаров, мой одноклассник и друг далёкого, теперь уже, детства. Я бы и не стал вспоминать эту странную и почти смешную историю, если бы его детские наивные выводы не подтвердились намного позднее и весьма неожиданным, для меня, образом. Эта была, происхождением из далёкого детства, изменила такое огромное количество людских судеб, столько людей собрала вместе и наоборот разметала по свету, что и сосчитать не получится.

Глава 2

Общие знакомые

Июнь в наших Казахстанских предгорьях бывает всегда прекрасен, особенно его последние жаркие денёчки. Голубое, яркое от горизонта до горизонта небо. Свежий, ласкающий горный ветерок, чудесное летнее солнце, всё это всегда входило в тот набор природных благ, которые делают эти края несравненным местом оздоровительного отдыха. А ещё, в июне самое главное, это то, что начинались школьные каникулы, и у местной детворы наступает время беспредельной вольницы. То самое ласковое тепло и июньское солнце превращают тела малолеток в натуральные шоколадки. Соскучившись по солнечному загару за зимний и весенний периоды, в этом месяце они нещадно жарят свои маленькие фигурки под его полуденными острыми лучами. Хрустально чистые горный воздух и столь же прозрачная вода творят с ребятнёй настоящие чудеса. Июнь, это для них одновременно, и лечебный санаторий, и увлекательный, до экстремального, отдых.

Вот и побывал я в родных местах. Побродил по знакомым невысоким холмам, вдоволь накупался в старых, с детства знакомых заводах, повидался с друзьями, с теми, что пока ещё остались в селе и не покинули родных мест, в общем, отвёл душу с превеликим удовольствием. Доведётся ли ещё когда-нибудь вернуться сюда? Жизнь, как известно, вертит нами, как ей вздумается. Может быть, когда-нибудь и занесет она меня опять на малую Родину, но надежд, по её прошествии, становится всё меньше. До окончания моего отпуска оставалось ещё больше недели, вот я и решил обратно не лететь самолётом, а поехать на поезде, что бы, возможно в последний раз, пересечь огромную Казахстанскую степь, наблюдая её воочию, сквозь вагонное окно. А ведь когда-то давно, в далёком детстве, мне довелось ехать вот так же поездом по этой самой железной дороге и, я лично, наблюдал, сквозь это самое вагонное окно, голубые воды Аральского моря, которые в буквальном смысле этого слова омывали шпалы пролегающей по берегу железки. А ныне это, бывшее морское дно, такая же пустыня, как и всё остальное. Море покинуло эти земли, и теперь его остатки таят свои воды в сотнях километров от этих мест.

Как-то так я решил и, соответственно, сделал. Договорился с другом и одноклассником, Витьком, он и подвёз меня прямо к вокзалу, который по своему виду и размерам на такое гордое название едва ли тянул. А вот с одноклассником и другом детства Шуркой встретиться не удалось. Он давно покинул эти места и жил где-то близ Находки, как об этом говорили сельчане и его родители переехали в другое место, о котором никто ничего сказать не мог. Мы с Виктором Петровичем, как его теперь величали земляки, тепло попрощались и я вошёл в здание вокзала, покорно встав в очередь за билетом. В очереди, состоящей из десятка пассажира, я оказался за солидным мужчиной с резной изысканной тростью в руке и дорожной сумкой на ремне через плечё.

– Извините, вы тоже на московский поезд садитесь?

Неожиданно спросил меня, этот самый, стоящий впереди солидный мужчина.

– Да скромно ответил я.

Он спокойно выслушал мой ответ, глядя на меня в упор, и вновь спросил.

– Извините, пожалуйста, а могу я Вас попросить о небольшой услуге?

Со смущением в голосе произнёс он. Для меня всё это стало неожиданностью, я, честно говоря, растерялся, не зная, что ему ответить, но тут же нашёлся и, нарочито уважительно, проговорил:

– Если я этими действиями не нарушу государственных законов, то конечно...

Мой случайный собеседник громко расхохотался, чем переполошил очередь стоящих рядом пассажиров, однако понял мою иронию, приняв её за чистую шутку. Я, глядя на него, тоже засмеялся. Случайный разговор почему-то развеселил нас обоих.

– Игорь Сергеевич,

Протянул он руку с предложением познакомиться и добавил, как в фильмах про Бонда:

– Макаров Игорь Сергеевич, подполковник в отставке.

Я пожал его руку и соответственно представился:

– Анатолий Николаевич, очень приятно.

Не став называть Фамилию незнакомому человеку, даже если он подполковник.

– Большое спасибо.

Сказал он в ответ и тут же пояснил суть своей просьбы.

– Понимаете, мои друзья здесь, передали нашим общим друзьям там, две огромных сумки с местной сельхозпродукцией. Помидорами, понимаете ли, яблоками и многое там ещё. Я не смог отказать и теперь из-за них вынужден ехать поездом, поскольку в самолёт с таким весом не возьмут. Сюда я добрался запросто на такси, в надежде, что вокзал будет настоящим, а он оказался редким анекдотическим фарсом. То есть, в камеру хранения сумки мне помог сдать таксист, а вот из хранилища и до перрона... Я прикинул, больше километра, если конечно повезёт с нумерацией вагонов. Я к чему всё это говорю, Вы меня извините, конечно, сумки две, а рука у меня свободная только одна, носильщиков здесь нет, народу нет, вот если бы Вы согласились мне помочь разобраться с этой бедой, я до самой Москвы был бы Вам весьма благодарен. Даже и в Москве буду благодарен, если, конечно, за долгую дорогу не надоем своим присутствием. Ну, что договорились?

Я задумался, и не сразу ему ответил, ведь жизнь нас, к сожалению, уже научила, не хвататься за чужие сумки. Что только там не случилось – и наркотики и оружие, в общем, полная неизвестность, а главное совершенно неоправданный риск. Мой собеседник, видно человек был не только солидный, но ещё и рассудительный. Прочитав по моей физиономии все до единого мои сомнения, и не дожидаясь окончания моих умственных вычислений, залпом проговорил.

– Да Вы не переживайте, я вам эти треклятые сумки открою и всё до доньшка покажу, нет там ничего крамольного, только фрукты и овощи. Помогите, пожалуйста, ведь не бросать же подарки старинных друзей из-за отвратительного местного сервиса.

Я второй раз за день засмеялся. Настойчивость и смелость моего нового знакомого была весьма убедительной, к тому же, подкупали его непосредственность и откровенность.

– Да, да, конечно, я помогу, не сомневайтесь. Для меня это совсем не трудно, тем более, что из моей ноши тетрадка и планшетник. В отличие от Вас, меня бы взяли в самолёт, но я сам, заметьте, добровольно решил, напоследок, пересечь эти знатные пески почти что пешком, на этом вот тихоходном поезде.

Шутка снова удалась и мы оба в очередной раз дружно засмеялись этой моей своевременной словесной тираде, которая, в общем-то, и нейтрализовала, возникшую было, напряжённость в общении.

В ожидании мы ещё немного поговорили с Игорем Сергеевичем, так почти ни о чём, выкупили билеты, в вагоне-купе рядышком и благополучно добрались до своих мест. Хотя слово благополучно, в моей ситуации было бы слишком неуместным. Сумки и впрямь тянули на слишком весомую дружбу этих людей. Эта их пресловутая дружба, показалась мне столь впечатляющей, что я отходил от её тяжести не менее полчаса. Это своя ноша, как говориться,

не тянет, а чужая тянет да ещё как. С другой стороны, везение Игоря Сергеевича, которым он умилялся весь наш долгий путь к вагону, и мне стало казаться дорогим и близким. Действительно, чего уж скромничать, ему со мной несказанно повезло.

Вы знаете, как обычно бывает в дороге, совершенно незнакомые до этого люди, по окончании путешествия, становятся настолько близкими, что расстаются словно родственники. Они и адресами обмениваются, и телефоны друг другу диктуют и, что самое необычайное, в гости друг дружку зовут на полном серьёзе. Вот и мы с Игорем не только перешли на «Ты», но и остались друзьями по сей пору.

Когда Игорь собрался отчалить, по завершении планов своего приезда в Казахстан, друзья естественно собрались проводить его с соответствующими, так сказать, организационными мероприятиями. По обычаю, с настоящими друзьями невозможно расстаться без застолья и величавых тостов. Это знает каждый Казахстанец. Так случилось и в этот раз.

– Игорёша, дорогой, нет, мы тебя без застолья не отпустим, лично я себе этого никогда не прошу.

– Игорёк, и в правду, когда ещё увидимся? Не ломайся, садись, да и манты стынут.

– Манты, это хорошо, даже чересчур хорошо, но с алкоголем, ребятки не шутят. А вдруг меня такого трезвого ваши же бойцы на вокзале, да в кутузку? Помидоры потекут в сумку, яблоки сгниют в томатном соку, за пятнадцать-то суток моего «отдыха». Представляете, какой компот я привезу Андрюхе с Семёнычем? Они за такую «неосторожность», так сказать, недальновидность, меня живьём съедят, без соли и перца, как аборигены слопали несчастного Кука.

И вправду, если перед дальней дорогой заправиться коньяком, то эти самые неожиданно-сти по законам подлости сами к тебе приклеятся. Оно есть – аксиома, известная каждому, кто хоть раз, когда-нибудь, путешествовал. Друзья посмеялись, пошутили и согласились с Игорем.

– Быть по сему, прощай, приезжай, как сможешь.

– Как смогу? Да вот если ещё одну тетрадку Макаровскую отыщете, тогда я тут же и прилечу.

– Ещё одну-у-у-у? Таких тетрадок по две не бывает. Хорошо, хоть одна на весь свет имеется. Так что прилетай просто так, за овощами, например.

Раздался дружный хохот. Собравшуюся на проводы компанию развеселили тяжесть и объём поклажи, которую их товарищ обязан доставить из пункта «А» в пункт «Б», не имея, однако, возможности эти сумки нести, поскольку трость, которая стала спутницей его похождений более десяти лет назад, вынужденно занимала одну здоровую руку.

Глядя на нагруженные сумки, Игорь сморщился и процедил сквозь зубы.

– Чего ржёте, жеребцы? Я вам эти овощи ещё припомню, а уж о следующих, мне и не заикайтесь.

Прощание состоялось, друзья расстались, не определившись со сроками, когда смогут ещё разок повидаться.

Как обычно, в любой дальней поездке, пассажиры сперва раскладывают вещи по полкам да ящикам, потом дожидаются проводника со старинной как мир фразой: «Предъявите билетик, пожалуйста», и только после этих процедур распаковывают на пристенные столики различные коробочки и пакетики с едой, что бы подкрепиться после тяжёлой посадки в вагоны. Так поступили и мы с моим попутчиком. Он выставил на стол тот самый коньяк, который отказался выпить с друзьями раньше и к нему добавил свежие Казахстанские помидоры, от которых проистекал сладостный аромат, мгновенно наполнивший всё купе, и, наверняка, весь остальной вагон. Но никто этого, скорее всего, даже не заметил, потому что на каждом столике каждого купе лежали точно такие же помидоры, издавая точно такие же ароматы. Нам, честно говоря, до этого не было совершенно никакого дела.

Наш разговор завязался сразу, сам собой и без разминки. Игорь предложил тост – за гладкую дорожку, я его поддержал, а заодно предложил общаться на «Ты», против чего не возражал он.

– А почему ты сказал, что помотришь на степь «напоследок»?

Вдруг неожиданно спросил он меня.

– Когда? Я разве такое сказал?

Ведь я совершенно не придавал этому значения, но Игорь оказался весьма наблюдательным человеком. Тут я, сам от себя не ожидая такого, в большей степени шуточно, спросил его в ответ.

– А ты что чекист, коли такие мелочи замечаешь?

С нотками актёрства вопрошал я, то есть с намёком на его особенную наблюдательность. Предполагалось, что произойдёт обычное отнекивание. Возможно, он скажется раненым десантником или там ещё выдумает нечто подобное. В принципе, это было бы и логично и достаточно уважительно в его ситуации. Однако, он и тут поразил меня прямым, по солдафонски, ответом.

– Да, я из ФСБ, в отставке по ранению.

При этом он не произнёс слово – бывший, поскольку каждому до мозга костей известно, что бывших в ФСБ, а оно же и КГБ, не бывает.

– В общем, и ранением это назвать сложно. Банальное преследование одного подонка, на пути острая арматура и в результате сложный перелом колена. Далее полгода по госпиталям, а вот теперь девять лет, как на дембеле.

Да и мне, собственно, скрывать было нечего, я также, как и он дал свои коротенькие пояснения.

– Видишь ли, я и до этого редко появлялся в своих краях. Отучился, отслужил, уехал...

Родня тоже вся разъехалась по Союзу. Друзья, в большинстве, как и многие соседи, разлетелись по разным углам огромной страны, а здесь остались несколько самых стойких. А у меня просто вышла оказия, решил развеяться, вот и прикатил.

Мои откровения были настолько обычны и единообразны для этих мест, что Игорь либо из деликатности, либо от отсутствия излишнего любопытства даже не спросил название посёлка, где я гостил, а это было бы весьма кстати, потому, что дальше, совершенно случайно, разговор зашёл о человеке, которого я хорошо знал. А могло ведь и не произойти того самого, случайного разговора. Я бы в этом случае так и не узнал всего, того о чём написана эта книга. Да, я бы никогда не узнал этой необычайной жизненной истории моего детского друга Шурки Макарыча. И такое в жизни случается, а пока что и я не особо любопытствовал, если честно. Про его встречу с друзьями он меня уже уведомил, а подробности таких встреч не особо интересуют случайных попутчиков.

– Ну, тогда давай за прошедший удачный отдых!

Разлив коньяк, предложил он первый дорожный тост.

– Давай!

Мы, по обычаю, чокнулись гранёными стаканами из-под чая. Звяк вышел таким громким, что Игорь отёрнул руку и с укоризной высказал мне свои опасения, прозвучавшие в шуточном ключе.

– Ты, давай, с грохотом-то, поосторожнее, не то отколешь от моего стакана Луну с четверть, назад не приклеишь.

– Ты сказал: «Луну с четверть?»

Меня поразила произнесённая им эта фраза. В изумлении я замер, даже не пригубив коньяк. Игорь, не в пример мне, спокойно выпил свою чарку и, удивившись моей необычной реакции, повторил.

– А что, Луна разве не с четверть земли?

– С четверть, конечно, но фраза эта мне очень знакома. Ты её повторил слово в слово, как Шурка когда-то.

– Какой Шурка?

Заострив на мне свой взгляд, переспросил Игорь.

– Да, мой одноклассник, Шурка Макарыч. Он даже опыты ставил со своей бредовой идеей. Пытался от подвешенного камня отколоть кувалдой кусок Луны.

– Вот те на... Шурка, да ещё и Макарыч? Уж не Макаров ли Александр Николаевич, этот твой одноклассник?

Я ничего не нашёл лучшего, как вместо ответа Игорю допить свой коньяк. При этом, не отводя изумлённого взгляда от своего нового знакомого. И ещё несколько секунд я был не в силах оценить происходящее.

Дело давнее, мы с Шуркой расстались ещё в юности, точнее сразу после окончания школы. Я поступил учиться, а он пошёл в Армию. Говорили, что после службы, он уехал также куда-то учиться, с того момента мы больше не пересекались. Однако его Лунная идея засела во мне с тех пор навсегда, а здесь столь неожиданно она всплыла вновь, да ещё и при таких странных обстоятельствах. Передо мной, словно перед приговорённым к смертной казни, вдруг пролетели все картинки нашего с ним бывшего общения. И его странные опыты с камнем, и кувалда на ноге, и последующие наши приключения с воздушным шаром, о которых мало кто знал и, которые ему обошлись слишком дорого. Собственно, после этих его полётов на шаре все и началось. Шурка стал совершенно другим, он изменился настолько, что с ним практически перестали общаться все сверстники. Из тех, кого и можно было назвать его друзьями, остались я и Витёк, да и то, дружба с оговорками. Вначале мы помогли снять со скалы этот злополучный шар, после его втроём чинили и надували. Но полететь отчаялся только он. Да и был всего единственный катастрофический полёт на расстояние нескольких километров. После чего Шурку пришлось спасать всем селом, а после его долго лечили то в нашей больнице, то в областной. Это мне уже не очень известно, но разговоров об этом в селе было много. Однако, его лечение по-моему ничем так и не закончилось. Позднее Шурке в каких-то делах помогала Наташка Озерова. Они даже дружили, как это называлось в детстве. В общем, я неожиданно для самого себя, вдруг вспомнил всё до мельчайших подробностей, но для чего я это сделал, так до меня и не дошло.

– Так значит, ты из Красного, и учился с Александром Макаровым?

Своим вопросом прервал мои воспоминания Игорь.

– Ну, да. Только я и не предполагал, что он Макаров Александр Николаевич. Я, думаю, что и он обо мне того же мнения. Мы все, как и раньше, Витьки, Коляны, Толяны и Шурки, я по-другому и не могу себе его представить. Может быть, это звучит странно, для взрослого дядьки, но действительно не могу.

Тихим, от удивления голосом произнёс я концовку своей речи.

– Однако, мне показалось, что и ты его знаешь?

– Однако, знаю.

Спаясничал он в ответ.

– Если честно, то я его знаю достаточно давно и достаточно хорошо. И сюда приехал, от части, и по его делам. Ты удивлён?

С некой долей гордыни в голосе заявил Игорь.

– Не то слово. Я ошарашен! Наливай...

Только и смог вымолвить мой приторможенный разум, на большее слов не нашлось. Игорь, взяв в руку коньяк и, разливая в стаканы порции по донышко, досказал свою мысль до конца.

– Ладно, не стану тебя мурыжить непонятками, скажу всё как есть, но и ты обещай, что отомстишь мне своим рассказом про Шуркины опыты, поскольку это единственное, чего я по сей день не знал. Что же, слушай, коль не против.

Глава 3

Всё по-взрослому.

– Сержант Макаров, выйти из строя!

Громко скомандовал майор Головкин Денис Олегович.

– Есть.

Чуть оторопев о неожиданности, по-уставному отчеканил Сашка Макаров, командир отдельного разведвзвода. Майор тут же продолжил чтение приказа командования.

– За проявленные смелость, мужество и выдержку, при выполнении приказа главного командования Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (ОКСВА), по розыску и уничтожению опасного бандформирования (место и время операции секретно) произведённую без потерь личного состава группы и точно в указанные командованием сроки, наградить Гвардии сержанта Макарова Александра Николаевича орденом «Красной звезды».

– Служа Советскому Союзу.

Громко, твёрдым и уверенным голосом, отрапортовал радостный Сашка. Улыбка появившаяся на его лице, никак не хотела сползать с его радостной физиономии.

– Поздравляю, товарищ сержант, встать в строй.

Скомандовал ещё раз командир. При этом крепко пожал бойцу руку и вручил полагающуюся ему правительственную награду.

– Есть.

Ответил Гвардеец. И повернулся к строю лицом.

– Вольно, разойтись!

Отдал последнюю команду майор, хотя строй уже почти распался, поскольку все стоявшие на построении резко кинулись к герою с поздравлениями.

– Шурка, поздравляем, дай-ка потрогать. Вот так штука.

– Ладно, ещё насмотритесь, с меня магарыч, жду всех, как обычно на нашем месте.

Друзья и сослуживцы обступив плотным кольцом своего боевого друга не стеснясь, хлопали его своими ладошками по спине и плечам и радуясь награде вместе с ним. Солдатская радость в этот раз была безграничной. В рейд ушли полным составом разведвзвода и полным составом вернулись, да ещё и героями.

Вечером, на сборе сослуживцев и костра его плотным кольцом обступили товарищи.

– Ладно, Шурка расскажи, чего таить, ведь место и время мы из без тебя знаем, ты нам обрисуй общую обстановку, а мы уж после дофантазируем, нам не впервой.

– Нет, уж. Я сегодня генерал, меня не беспокоить, иначе кефир разливать перестану, пусть, вон Миха, военные тайны выдаёт, сливай информацию, Мишаня, разрешаю.

Отшутился сам Шурка, командир этого геройского разведвзвода 2-ой штурмовой бригады ВДВ. В десанте разведчиком он служил по призыву. В Афгане находился уже шестой месяц и его срок службы приближался к демобилизации по-простому – дембель. Как принято у младшего состава армии – до приказа солдат дед, а после выхода дембельского приказа – дембель. Как утверждали солдатские неписанные порядки: для дембеля служба в тягость. Дембель, личность неприкосновенная. Дембеля ни при каких условиях не кантовать, при пожаре выносить первым. Дембель по данному неписанному закону обязан «шланговать», то есть прикидываться шлангом или попросту лоботрясничать. Однако, такое где-то ещё можно допустить, но только не в разведке, и тем более не в Афгане. Здесь смерть подстерегала солдата почти что за каждым пригорком, а встретиться с ней ни у кого желания не возникало. Так сказать – «Всё было по-взрослому». Хоть солдатики в шутку и называли это событие «дидебилизацией», но от этого меньшей радости оно не доставляло. Главная фраза военнослужащего Советской

Армии была следующей: «Дембель неизбежен, как крах капитализма». В это все военнотружущие верили свято. Кстати они убеждённо верили и в первую часть фразы, и во вторую. Собственно, что мы сегодня, в виде краха прогнившего капитализма, и наблюдаем.

– Саня, ты после дембеля домой поедешь, или рванёшь ещё куда. Сейчас уже конец апреля, а в мае вас, дембелей, в Союз отправят и следом на ДМБ, это всегда так происходит.

Прилёг рядышком на пожухлой травке Ванька Жирков, одновременно задавая свой вопрос.

– Я, Ванюха, очень даже рвану. Нет, конечно, дома, в аккурат, недельки три четыре отдежурю, по своим, страх как соскучился, а потом в Москву укачу.

– В Москву, это учиться, что ли? Выходит, как раньше задумал, так и порешил? А как же твоя, Натали к этому отнесётся? Кстати, пишет? Что-то я давненько тебя с письмом не видывал.

– Год писала, теперь год не пишет, да и так, всё словно не серьёзно было. Детство прошло, а во взрослой жизни, мы вроде чужими становимся. Потом, Вань, я хочу служить в погранцах. Давно хочу. А когда ей написал о своей мечте, так она сразу и замолчала. Мне после этого всё и понятно стало, как не понять. Пограничники на службе в лесах, да в горах, а ей, наверное, всё это не по душе.

– Что же, так с ней и не повидаешься?

– Возможно, и повидаюсь, но напрягаться специально, чтобы увидеть её не стану, а там как выйдет.

– Может быть ты и прав, если нет понимания, об чём с ними балакать? Уж лучше в погранцы, чем в бабью неизвестность...

– Помнишь, про своего Палкана я тебе рассказывал, так это он меня надоумил податься в пограничники.

Иван рассмеялся, услышав про такой странный совет от пса, пусть даже и очень умного.

– Это что же он, твой пёс, тебе лекции читал про караульную службу?

Продолжил зубоскалить Шуркин армейский друг. Только сам Шурка, наоборот все это воспринимал вполне серьёзно и ни сколечко на друга не обижался. Немного помолчав, вновь, как бы задумавшись, с наивной мечтательностью во взгляде, продолжил.

– А ведь он и лекции вполне смог бы читать, ты прав, парниша.

И уже совсем в качестве шутки добавил.

– Но некому было читать, умных людей вокруг оказалось маловато.

Сказал и следом расхохотался.

– Ну, да, конечно, акромья тебя умника?

Добавил Ванька свою фразу и оба вновь рассмеялись. Но Санька вновь посерьёзnel и продолжил свой импровизированный рассказ.

Всё проще, дружище, увидел как-то я на картинке пограничника с собакой. Оба красавцы, оба военные. У него медаль, у его пса целая подвеска медалей. Всё так и загорелось внутри. Думаю, где же ещё с собакой служить, как не на границе? Вот и размечтался. А здесь повидал такого, что и думать больше ни о чём не могу. Хочется эту грязь давить и выметать с планеты – Земля, что бы ими нигде и не пахло.

Сжав зубы, процедил Сашка.

– Видишь, Санёк, у того с картинки медаль была, а у тебя теперь целый орден, ты поважнее его будешь.

Хихикнул, было, дружок. Но Сашка опять не обратил на это никакого внимания, о чём-то о своём задумавшись. И на выдохе, немного помолчав, тихо продолжил, словно не другу, а себе самому что-то объясняя:

– Я ведь почему этих выроdkов в их лазейке гранатами забросал, они, твари, в этой горной сараюшке комнату пыток устроили. Я папку с фотографиями нашёл, припрятанную в камнях недалеко от входа. По-видимому, для отчёта хозяевам приготовили. Мы, поначалу, когда их

вычислили, да пересчитали, хотели повязать живыми. Уже к стенам подошли, я даже их лаз замаскированный засёк, как обычно сверху деревянный люк и под стену в сторону уклона. Там дальше за стеной нора из пластиковых труб и аккуратно сверху камнями замаскирована. Когда парням своим фотки показал... В общем, решение своё мы отменили, тут же вынесли всем им приговор – живыми не брать. Я и раньше с подобным лазом сталкивался, поэтому конструкцию знал наверняка. Мы с парнями у стен слегка шумнули, те свои шмотки где попало покидали и в лаз попрыгали. Миша, тут же, им вдогонку, четыре гранаты и отпустил. Серёга с другого конца ещё четыре добавил. Мы тогда прикинули, судя по грохоту, им там в трубе за глаза хватило. Так всё и было, дружище.

Тихо смолк Сашкин голос. Ванька выслушал и немного помолчав, спросил:

– А сколько их всего было-то?

– Двенадцать, в общем, насчитали, на том и закончили.

– Саша, расскажи мне, как ты их так ловко находишь? Тебе ведь домой скоро, а мне это может и пригодится. Следующую банду, возможно, я отыщу.

– Да действительно, тебе следующих бандитов искать, а кому же ещё.

Шуткой ответил дружку Сашка.

– Не смейся, я, если хочешь знать, давно хочу с бандами драться, для меня они тоже звери.

– Ладно, пошутил я, слушай и запоминай: когда банда тащит караван с оружием, ослиный кизяк по тропе лежит. Если навоз свежий, недавно прошли, сухой, давно. И ещё в коробка с оружием часто приходит американская жвачка. Ну, не жвачку я ищу, а обёртку от жвачки, нашёл её меж камнями, по запаху определил срок употребления и, просчитал с чем идёт караван. Осёл, плюс свежая жвачка, это оружие. А если на тропе остатки жеванного насвая, то караван идёт с наркотой. Наркотрафик происходит, как нам известно, без американской жвачки, но на американские деньги. Хотя американские деньги я на тропах ни разу не находил. В карманах бойцов бывало, а на тропе ни разу. Валютой они пока не сорят. Как тебе наука? Чайник... Сашка, в шутку, щёлкнул символический подзатыльник другу.

– Ну, ты даёшь, нау-у-ука. А что на тех фотографиях было, что из найденной папки?

– Извини, вам всем лучше и не знать. Фотки после операции в спецотдел сдали, так их аж скрючило.

Закончил свой рассказ дембель, будущий отставник, гвардии сержант Макаров. Остальные парни, тем временем, слушали юморной Мишкин пересказ о недавних прошедших событий и дружно хохотали над услышанным. Некоторые вставляли своё, особое, видение процесса и от этого смеялись ещё громче.

Война очень часто делает людей озверевшими, чёрствыми, но если их не покидает чувство юмора, то всё ещё можно поправить. Так что простим наших парней за их своеобразное отношение к боевым будням.

Глава 4

Кино и кони

По селу Красному разнёсся слух, что на перевале Тербек, где плоские невысокие холмы за гравийным карьером снимают кино. Кстати, когда-то давно, перед революцией, село называлось Казачьим, потом в Революцию, сразу стало Красно-казачьим, позднее, одумавшись, превратилось в Красное, так и им осталось. Народ был тем же самым, что и раньше, а вот село меняло название в след за изменением политики партии и правительства. Такого, как киносъёмки, в этих невысоких предгорьях Заилийского Алатау никогда не случалось. Новость буквально взбудоражила всё местное население, а особенно мальчишек. Им казалось, что у каждого именно сейчас появилась идеальная возможность стать знаменитыми артистами. Если приехало кино, то естественно именно по их души. каждый из них предполагал, что «счастливый шар» выпал именно ему. Тем более, только что начались летние каникулы, которым, по

первым, июньским впечатлениям, казалось не будет конца. От ежедневных шатаний по окрестным холмам они пока что ещё не устали и собратсья на таких вот условиях в путь, километров эдак на двадцать, решиться ничего не стоило, лишь бы родители не запретили.

Шурка, про съёмки, узнал почти что первым из пацанов и чуть свет прибежал за напарником.

– Толян, шевелись, побыстрее, иди сюда.

– Ну, пришёл, ну, шевелюсь, что дальше?

Дурацким вопросом начал беседу с дружкой одноклассник Шурки Макарыча, Толик.

– Там кино снимают. Пошли, поглядим, жуть как интересно, я никогда не видел.

– Ты не видел? Такого никто никогда не видел, даже дед Шепель и тот не видел, а сто лет уже как у своего забора сидит да на всё подряд смотрит.

– Ладно, ты тут про деда заливать будешь, пошли, посмотрим.

– Пошли, а где это, за мостом, что ли?

– Ну, да, за мостом, сказанул. На перевале, за карьером.

– Вот это ты – сказанул. Километров пятнадцать будет не меньше. Тоже мне ближний свет нашёл.

– Не дрейфь, разведка, прорвёмся.

Бодрым тоном заявил Шурка.

– На зерноток сейчас пойдём, а там машины к комбайнам за зерном челночат, доедем почти к месту, вечером назад. Зато там, говорят, лошадей для съёмок навезли целый табун, когда конюхи пойдут обедать нам разрешат за лошадьми присмотреть и покататься можно будет.

Хитрый Шуркин умишко уже заранее просчитал несколько вариантов различной собственной поживы. Ну а когда речь идёт о лошадях, да о возможности покататься, то устоять перед соблазном дальним казацким потомкам просто не реально.

– Ладно.

Поморщился Толян.

– Пойду у мамы отпрашиваться, ведь к ночи только появимся, ей не скажешь, больше не отпустит. Жди я скоро.

Пацаны с собой в авоську набрали немного отварной картошки, порезанного хлеба, сала и бутылку воды. На гидравлической подъёмной разгрузке зернотока они подсели в кабину газончика к знакомому водителю и покатали по дороге меж невысоких холмов да неглубоких овражков в сторону дальнего перевала. Меньше часа заняла вся дорога и ещё около часа переход пешком к месту съёмок. В первый раз им вся эта дорога показалась вечностью. Откровенно говоря, в отдельный момент, они даже пожалели, что решились на данную авантюру, но то, что им довелось увидеть в конце пути, полностью компенсировало усталость, и все их прежние расстройства. От былых сожалений не осталось и тени.

В конце пешего перехода, поднявшись на низенькую вершину холма, перед ними открылась невиданная ранее картина: вдалеке, у просёлочной дороги, стояли несколько автобусов с надписью «КИНО» по бокам и ещё рядом с ними стояла огромная юрта, разукрашенная ярким орнаментом в национальном казахстанском стиле. Первое, что бросилось в глаз, это большие скопища народа, блуждающего по поляне иногда в разных направлениях, иногда совместно, чуть поодаль спокойно пасся приличный табун лошадей, таких, которых здесь, меж собой, обычно называли чабанскими. Это низкорослые казахские степные кони с лохматыми гривами. В некоторых местах этой просторной поляны стояли огромные осветительные фонари, а чуть поодаль от них грубо тарахтели генераторы, вырабатывающие этим фонарям ток. Парням сразу стало понятным, что самое главное место площадки, это то, где стоят фонари, поскольку над этими большими фонарями возвышался гигантских размеров воздушный шар. Он был притянут к земле несколькими канатами, а под этим шаром находилась плетёная на вид коробка, внутри

которой было что-то из аппаратуры для съёмок. В сельском клубе, в кинобудке были два кинопроектора, и эти кинопроекторы мальчишки часто выдели, заходя перед сеансом к киномеханику дяде Юре. Так вот то, что было в корзине, отчасти напоминало те самые проекторы из кинобудки. Возможно, что шар и не был столь гигантским, но мальчишкам он показался именно таким, поскольку ничего подобного они никогда не видели, а ещё потому, что рядом ничего схожего по размерам попросту не было. Шар величаво выделялся своим воздушным парением над всей окружающей его низенькой действительностью, он был не столь ярок, не был расписан вычурной рекламой, как это сегодня принято, но спокойный серый стальной окрас делал его не менее шикарным и привлекательным, чем нынешние его размалёванные потомки.

– Вот это да.

С изумлением поговорил Толик.

– Ни фиги себе.

Необычной фигурой речи проявил своё удивление Шурка. Они смотрели на всё происходящее восхищёнными детскими глазками, боясь шевельнуться, сойти с места, чтобы окружающий их мир вдруг не растворился и не исчез из вида, как в этих краях исчезают известные всем пресловутые миражи. Нет, ничего не исчезало. А такое может означать только одно, что всё вокруг не мираж, всё это по-настоящему. Мальчишеской радости не было конца. Слегка опомнившись и отдышавшись, они стали внимательнее приглядываться к съёмочной площадке, чтобы сформировать план своих дальнейших действий.

Само место, где происходили съёмки, находилось практически на вершине приличных размеров почти плоского плато, перевала «Тербек», через который проходила автомобильная междугородняя трасса. Близость этой дороги, по-видимому, и стала основной причиной выбора места съёмок. Но оно, это место славилось ещё и сильными ветрами, которые появлялись неожиданной и практически из ниоткуда. Возникнув, эти ветры-разбойники почти мгновенно нагоняли чёрные, разбухшие от влаги грозовые тучи, наводя громом и молниями ужас на местное население. Вот и сейчас ветер весьма заметно шевелил воздушный шар, из-за неприемлемой качки которого съёмки временно остановились.

Мальчишки, спустившись с холма, попали в самую гущу киношных событий. Сгрудившись в кучку, мирно сидели и разговаривали между собой казахские джигиты в национальных стёганных халатах. Но свой разговор они вели про какой-то дембель, который не за горами. Рядом с ними тихо стояли привязанные к импровизированной коновязи кони. Шурка первым подошёл к лошадям, а следом за ним подошёл и Толик. Оба остановились рядышком и начали рассматривать конскую сбрую, которая была немного необычной. На обычных вроде бы сёдлах была постелена серая кошма, так, чтобы самого седла не было видно. Гривы коней были сплетены в косички и в некоторых вплетены цветные ленточки. Этот факт развеселил мальчишек.

– Гляди, косички как у первоклашек, наверное, завтра в школу пойдут.

Не успели они вдоволь нашутиться, как сзади весьма неожиданно к ним подошёл взрослый человек и ловко схватил их за руки.

– Ну что попались, конокрады.

Грозно загорланил тот, что их сцапал.

– Какие мы конокрады, дядь отпусти, больно. Мы, это, мы посмотреть пришли. Не воры мы.

– Да, я и сам вижу, что не воры. Ладно, гуляйте, это я так пошутил.

Грозный дядька вдруг стал милым и улыбчивым.

– Это ж откуда вы к нам нагрянули, бойцы?

– Из Красного.

Практически хором выпалили одновременно оба парня.

– Это же там внизу, километров в десять или того больше?

– Ну, да.

Детский испуг прошёл, словно и не бывало. Мальчишки успокоились и отвечали спокойно, с достоинством местных аборигенов.

– Так, хорошо...

Процедил сквозь сморщенные губы незнакомец и добавил, не прерывая своей речи.

– А вы знаете, что здесь рядом, вот за этой горой, живёт Кашей бессмертный?

Сдвинув было брови, проговорил он. Но этим утверждением рассмешил только ребятшек и сам вместе с ними по-детски рассмеялся.

– Хорошо, пацаны, я вижу, что вы ребята крепкие и надёжные, вот только знаете ли вы, что на съёмочной площадке должен быть порядок?

– Какой порядок?

Переспросил Шурка слегка напуганный нехорошими предчувствиями.

– Киношный порядок, какой же ещё? Это когда прозвучит команда «МОТОР», вон из того главного динамика, вы должны находиться вон на том холмике и никуда не перемещаться оттуда. Иначе, вас вынуждены будут прогнать из нашей боевой кино-жизни. Это первое. Второе – здесь на съёмочной площадке никогда не было и не будет бездельников. Бездельник на съёмочной площадке, это что?

Спросил он, поглядывая с прищуром прямо на мальчишек, но у тех не хватило воображения, что бы представить бездельников на съёмочных площадках. Потому, как они этого самого представления не имели, что такое съёмочная площадка, и вместо ответа скромно промолчали, поглядывая то на него, то друг на дружку. И тогда, за них ответил сам инструктирующий.

– Правильно, съёмочная площадка, то место где люди работают. Понятно?

– Понятно!

Вновь хором ответили Шурка с Толиком и вытянулись по стойке смирно, округлив свои детские животики.

– Вот и хорошо, что понятно. У вас сейчас каникулы в школе, и на огородах вы уже отработали?

– Да отработали по две недели.

– А родители вас сюда отпускают?

– Да отпускают.

Первым выпалил Шурка, хотя именно сегодня он не стал отпрашиваться у мамы, предполагая, что в такой дальний путь его могут и не отпустить. Он, как только проводил в стадо уличных коров, и услышал про съёмки фильма, так сразу и помчался к Толику, чтобы даром не терять времени. А вот его друг, Толян, не слукавил, поскольку свою сыновнюю обязанность исполнил почти полностью. Почему почти, потому, что сказал матери, что съёмки идут за мостом, километрах в четырёх от посёлка, а не на перевале, иначе не видать бы и ему того, что сегодня их так поразило.

– Ну, раз вы такие воспитанные парни, то предлагаю вам работенку. Естественно очень ответственную, естественно для нас очень необходимую и естественно за деньги. Я вам буду платить по пятьдесят копеек в день, каждому.

Улыбка так и расплзлась по лицам мальцов, которым в этот момент на крючок попалась сама золотая рыбка. Раньше в селе можно было подработать, в основном, на зернотоке, сметая у зерноочистителей полу и загружая её в пыльные мешки. Такую работёнку «не пыльной» не назовёшь, она самая что нинаест пыльная в мире работа. После неё, и чихаешь, и чешешься, словно пчёлами покусанный. Да и платят там по двадцать копеек в день. А здесь на двоих целый рубль и никакой пыли. Парням показалось, что они попали не на съёмки, а прямо в Рай. Их лица так светились улыбками, что развеселился даже незнакомый им дядька.

– Эй, везунчики, а что же вы не интересуетесь, что вам предстоит делать? Может, я вас уголь добывать заставлю?

– Нет дядь, мы уголь добывать не умеем.

С искренним огорчением проговорил Шурка, отвечая за двоих. Предполагая, при этом, что с работай незнакомец просто пошутил. Бравое настроение, как и улыбки с лиц малолеток, словно ветром сдуло.

– Да, конечно, уголь копать вы не годитесь, хиловаты, а вот на лошадях ездить умеете?

– Да, на лошадях мы умеем. А что нужно на лошадях?

И тут прозвучало то самое, о чём они перед сборами на съёмки фильма про меж себя говорили, но и предположить не могли, что именно это им и предстоит делать да ещё с оплатой. Кататься на лошадях они запросто могли и бесплатно, а тут вдруг такое неожиданное и несказанное везенье.

– Да, хлопчики, нужно лошадей водить на водопой. Вон, там, ближе к автобусам подъезжает водовозка, а у неё кран позади бочки, под краном стоит ёмкость, её нужно наполнить из бочки через кран, а после подвести лошадей и дать им напиться. Это необходимо делать каждый день по разу. Взяли у одной коновязи, напоили и пошли к другой. Садиться в седло можно, падать из седла нельзя. Всё понятно? Приступайте. А я со стороны погляжу, какие вы казачки, как напоите всех, подходите за финансовым расчётом, сегодня, в качестве премиальных, заплачу по целому рублю.

– Есть, товарищ...

Шурка хотел было сказать генерал, но остановился и не смог продолжить дальше, не зная имени незнакомого начальника.

– Пал Палыч. Ассистент режиссёра съёмочной бригады.

Отрапортовал начальник. У ребятишек от таких новых непонятных слов челюсти так и отвисли. Они застыли в замешательстве и не знали, что делать дальше. В этой молчаливой паузе нашёлся Пал Палыч, он и продолжил их общее знакомство в тему будущих трудовых будней мальчишек.

Для вас просто дядя Паша, а вы кто такие будете?

– Я Шурка, а он Толян...

– Вот и познакомились, а теперь пошли на работу, нечего прохлаждаться.

Пацаны дёрнулись, было, бежать к лошадям, и вдруг Шурка на ходу резко остановился. Обернувшись к дяде Паше, он обратился к нему с неожиданным вопросом.

– Дядя Паша, а можно мы своего друга завтра приведём, он тоже на лошадях может.

Пал Палыч ухмыльнулся и веселым баском проговорил.

– Ладно, приводите, только, что бы родители всё знали, сам проверю.

Вот так неожиданно-негаданно и здорово случилось, что и волки сыты и овцы целы. Родители были удивлены, находчивости своих отпрысков, ведь те приукрасили события особыми подробностями. По их же рассказам получалось, что их очень долго и упорно уговаривали, убеждая, что этот труд и их содействие очень нужны съёмочной группе, и что без их помощи непоенные кони просто отказываются сниматься в фильме. А это в свою очередь приведёт к неисполнению съёмочного плана и окончательному провалу всего Советского кинематографа. Примерно так, это всё выглядело. Родителям, местной детворы, проводившим день и ночь в трудовых заботах, было не до философских размышлений и парням разрешили их временное трудоустройство, тем более, что полученные честные два рубля они естественно тут же предъявили.

Глава 5

Стройка, большая, как жизнь

Москва, это очень большой город. Если постараться, то в этом городе буквально для каждого найдётся рабочее место по душе, если так можно выразиться. Вот, если вдруг, кому-то, когда-нибудь в своей жизни доводилось поработать в Столице восьмидесятых годов прошлого столетия, на стройке, они наверняка запомнили две обязательные вещи – это громкий отборный мат в общении прораба с бригадирами и непролазная грязь на стройплощадке.

Александр Макарову крупно повезло, он не попал на такую стройку, он поступил на работу в Стройтрест «Очаковостройпромспецмонтаж», в образцовое предприятие передового Советского строительного комплекса, помощником кладовщика. Поскольку на работу поступил после службы, да ещё и в Афгане разведчиком, то пользовался он неподдельным авторитетом среди соратников по работе, ему сразу доверили весьма ответственную должность. Быть «заместителем кладовщика» на подобной стройке, для любого труженика означало – купаться в золоте. Другими словами эта должность – Завскладом была неофициальной, но предоставляла труженику очень большие преимущества перед другими работниками стройтреста, кроме высокого руководства, разумеется. Она обязывала занимавшего её работника: жить во дворцах; ходить в шелках; питаться в богатых ресторанах; отдыхать, исключительно в Гаграх. Всё это, как вы поняли, автоматически прилагалось к сей скромной, по названию, должности. Спросите: «Как можно в Советское время, работая в обычном Советском предприятии заработать на дворец с рестораном?» Без проблем. Нужно только устроиться не должность без материальной ответственности, но при материальных ценностях. Всё это Сашке и досталось, даже не досталось, а буквально свалилось с неба прямо в руки. Живи да радуйся. Каждому на даче нужна банка краски или мешки с цементом, металла три листа, кому фанера, гвозди, рубероид, да мало ли что ещё нужно на даче. У Сашки всего этого завалилось. И ни за что он не отвечает. Нет, не совсем так просто. То есть совесть иметь полагалось – главное не вывозить вагонами и вообще не воровать больше, чем ворует твоё начальство и всё. Других ограничений нет. Хоть три дачи обеспечивай, хоть четыре, никто и не взглянет в твою сторону. А тебе же ещё и спасибо скажут за твою доброту, отзывчивость, сердечную поддержку тяжкому дачному быту. Это всё я описал с юмором, и многим такой компот может показаться не понятным, тогда вкратце эту кухню поясню:

В Москве в преддверие одна тысяча девятьсот восьмидесятого олимпийского года, при строительстве Олимпийских объектов, был страшный ажиотаж. Эти стройки, что называется, гнали в авральном режиме, необходимо было успеть отстроиться к открытию и, естественно, успели. Олимпиада поразила всех своей красотой и благолепием. Но она в августе закончилась, а это, в свою очередь, оказалось большой неожиданностью, особенно для строителей. С целью успешного пуска в эксплуатацию массы нужных объектов было создано с десятков новых «спецстроймонтажей», «промбумоптгградостроев» и им подобных «спецпросмотров». Но после окончания спортивных соревнований вдруг оказалось, что в постолимпийской жизни для них в Москве нет работы. Её не оказалось даже в ближайших окрестностях, столько их всех расплодилось. Никто в этот период, скажем честно, не думал о безработице, тем более в среде строителей, им-то что, ушёл из одной стройконторы и пришёл во вторую, а хочешь и в третью... А как быть их высокому начальству??? Ведь на соседней стройке было своё высокое начальство и в помощи чужого начальства они не нуждались. Вот и придумали безработные «высокие начальники» интересную схему, они стали создавать строительные тресты. Это означало, что стройка может идти на Сахалине, а высокое начальство может себе сидеть в Москве. Тогда кто же руководит самой стройкой на Сахалине? А там руководит стройкой «Стройтрест-спецстроймонтаж». К названию старой строительной организации прибавляли в начало словосочетание – «Стройтрест» и создавали на самом Сахалине полный дублёр Московского треста. Строили на Сахалине, а зарплату получали в Москве. Потом эту зарплату делили, естественно в пользу Московского офиса, а оставшуюся часть зарплаты отправляли в Стройтрест Сахалина со словами неслыханной благодарности. Трудился Сахалин, а бабло ковала Москва. Тресты, типа – «Рога и Копыта» процветали, множились и умирать не собирались. Таким вот нехитрым способом построена почти вся Россия-Матушка. И север застраивался в основном Московскими Трестами и Чукотка и БАМ. Если бы стройка в те годы началась на Луне, то и там первыми оказались бы Московские строительные тресты. Вот в такую контору и угодил Сашка. Сама стройка велась в Вологде, в той самой – Вологде-где, что из песни. Строили там

какую-то платину, с какой-то обводной шлюзовой системой, которую никто ни разу в глаза не видел. А вот премии за её строительство получали регулярно.

Не сказать, что трудовая деятельность нашего героя проходила совершенно без проблем. Нормальные рабочие моменты, как их все называли, случались постоянно. К примеру, как можно себя вести в ситуации, когда стройки нет и в помине, а стройматериалов с оборудованием завались, и новые всё подвозят и подвозят. Вопрос не праздный, склады завалены, площадка завалена и не то, что бы порядок навести, ради этого всё грамотно уложить, обычной машине под разгрузку заехать не куда. Всё это творилось по причине того, что система учёта строящихся объектов велась в зависимости от освоенных денежных средств. К примеру: «Нашим строительным трестом за данный отчётный период освоено свыше двух миллионов рублей сверх запланированных капиталовложений. Ура товарищи!» Так рапортовало начальство перед очередной крупной премией. А если спуститься с высоты «высоких слов» на грешную землю, то реально разгружать некуда, поскольку оборудование и материалы привезли на запланированный четвёртый квартал года с опережением графика во втором квартале, а сама стройка находится в авральном четвёртом квартале прошлого года. Насосы нужно принять разместить и учесть, а рамы для турбин ещё не увезены с сентября прошлого года. На стройку их доставить пока невозможно, там ещё к складам и не приступали, кидать дорогостоящие металлические рамы в чистое поле, это преступление, хотя и такое зачастую случалось.

Помощник кладовщика, завсклад Сашка, не выдержав напряжения, решил пойти к высшему начальству с жалобой.

– Сергей Константинович, что за ерунда такая, везут и везут оборудование, а мастер в Вологде рамы принимать не хочет. Он говорит, что там он третий прораб по счёту за последние полгода, и не возьмёт мои рамы и насосы в том числе. А мне эти насосы, которые только что пришли, ставить реально не куда. Я с ним уже третью неделю ругаюсь, а он ни в какую, не возьму и всё тут.

– И правильно, что не берёт, а куда он их возьмёт, если склад не построен? А склад не построен, потому, что ... Но не из-за того, что... В общем, и так далее... Складывай насосы на рамы и не бери в голову. Придёт время и всё само рассосётся. Кстати к тебе подходил Голубев из отдела транспорта. Я ему обещал шифера сорок листов, если ещё не подходил, то запиши себе, для памяти, подойдёт, отпусти.

– Вот так всегда, с чем пришёл с тем и ушёл.

Пробурчал себе под нос Сашка, а начальник, не отрывая взгляда от каких-то бумаг, и не выпуская их из рук, тихо в след поправил его.

– Не совсем так, Саша, пришёл ты сюда без червонца в кармане, а ушёл с червонцем, не путай Божий дар с яичницей.

Трудно было вначале Сашке привыкать к такому обороту со стройматериалами. Как не крути, а это воровство. Почти месяц он противился, всячески сопротивлялся, саботировал распоряжения своего начальника, даже собрался написать заявление в Партком. Но его склад всё заваливали, разного рода, стройматериалами, а три соседних склада хоть как-то, но разгружались, и дышать там было привольнее, и порядка было больше. Позднее плюнул он на всё с высокой колокольни и стал исполнять ненавистные распоряжения шефа, далее стал и деньги брать, не пропадать же добру, в самом деле. Вот так Сашка стал обычным Советским строителем, таким же, как все. Но заноза в нём, всё же, осталась. Он думал так:

– Нет возможности сегодня прекратить воровство, так я завтра стану пограничником и тогда у меня появится возможность с этим делом покончить.

Таким не хитрым способом он сам себя, как мог, успокоил и с нетерпением дожидался поступления в военное училище. Продолжая трудиться в стройтресте, в сентябре он зачислился на специальные подготовительные курсы Юрфака МГУ, благо денег на оплату у него хватало, и усердно готовился к будущим вступительным экзаменам.

Там, на курсах было много разного народа, Сашка приходил на занятия к восемнадцати ноль ноль и уходил в половине одиннадцатого, и так четыре раза в неделю, а у особо рьяных учеников ещё и суббота была загружена. Ему, честно говоря, было просто скучно в трестовском общежитии, и он с удовольствием пропадал на занятиях и по субботам. Тем более, вскоре появилась особая причина. Однажды вечером после занятий он решил, наконец, подойти к девушке.

– Оля, позвольте, я Вам помогу, у вас столько книг, тяжело, наверное?

Догнал он, приглянувшуюся ему давно, сокурсницу. В аудитории она всегда садилась в первые ряды, а он тихонечко наблюдал за ней с третьего кресла позади.

Оля от неожиданности отшатнулась, но узнав в парне сокурсника, успокоилась и мило улыбнулась.

– Если Вам не трудно, помогите, мне их нужно домой отнести, а потом в библиотеку...

– Согласен.

Весело проговорил Сашка.

– Я Вам и в библиотеку их помогу отнести.

Она тоже приняла его шутку и оба весело рассмеялись. Голос Ольги звучал для Сашки, как звон благодатного ручья, он в буквальном смысле, наслаждался каждым сказанным ей словом, её обворожительным смехом и столь очаровательной её улыбкой. С этого дня он стал провожать Ольгу к дому каждый учебный вечер. Для него это было и приятно и увлекательно. Прогуливаясь, они занятно беседовали в пути и во многом находили общие нотки. Как говорят, они были интересны друг другу. Но, как выяснилось позднее, не всем их прогулки пришлись по вкусу.

Тёплый и достаточно сухой сентябрь перевалил за третью декаду. Вечера ещё стояли не по-осеннему тёплыми, последние жёлтые листочки сиротливо болтались на почти оголившихся веточках, готовых к зимним холодам, деревьев. Однажды вечером, провожая Олю домой после того, как она уже вошла в подъезд, а сам он почти собрался идти в сторону ближайшей станции метро «Динамо», путь ему преградили трое парней довольно крупного телосложения. Волосы бродяг были неопрятно отросшие, морды наглые, позы развязные. Банда, да и только.

– Дай закурить.

Грубо проговорил первый верзила, не вынимая, при этом, рук из карманов. Ситуация читалась, как дважды два. Уличные хулиганы против одинокого странника, «Шекспир», ни дать ни взять.

Сашкин инстинкт разведчика сработал как надо, он, вроде бы небрежным движением, отодвинулся чуть в сторонку, чтобы не оказаться в окружении этой бандитствующей тройки и приготовился встретить врага достойно, но ему, тут же на ум пришла одна очень важная мысль.

– Интересно, это они из-за Ольги на меня кидаются или здесь нечто другое. К примеру, банальное ограбление. Если причина в Оле, то дело посложнее будет, её теперь придётся оберегать. А если ограбление, то я и сам всё отдам, я сегодня добрый, чего жлобствовать, денег что ли жалко, не калечить же их за какой-то там жамканный червонец.

Но спрашивать ему бандитов и не пришлось, второй верзила сам раскрыл карты и прояснил данную ситуацию.

– Что бы мы тебя, заморышь, в этом дворе больше не видели, ишь, женишок выискался.

После слов первого, второй сделал шаг вперёд и продолжил морально давить на Александра.

– Вали отсюда пока копыта не обломали, самец недоделанный.

Все трое весело загоготали удачной шутке партнёра по шайке. Сашка тем временем всё грамотно рассчитал и, не обронив ни слова, в едином прыжке уложил ударами ног сразу двоих, при этом схватив за шею третьего и опершись на него руками. Одновременно с первым приёмом он сделал элегантный кувырок с броском на асфальт, третьего нападавшего, которого

раньше ухватил за шею. Двое его противников уже лежали без движения в вывернутых позах, а третий истошно хрипел в объятьях разведчика.

– Что же, дело сделано, теперь нужно срочно прибраться, иначе сейчас в окно может выглянуть Оля, не дай Бог увидит, как я тут намусорил. Эй, ты, долговязый, больше драться нет желания?

Задал он вопрос, потирающему шею налётчику, который испуганно сидел задницей на асфальте и боялся подняться на ноги, что бы этот кошмар с прыжками случайно не повторился ещё разок. В ответ он только лишь невнятно промычал.

– Спасибо, я понял, ты больше драться не желаешь, тогда быстро встал и, ко мне. Хватай своего друга за ноги, вот сюда его к стеночке укладывай, молодец. Давай второго... Ай да молодец.

Он складывал своих обидчиков вдоль стенки дома, ненароком прощупывая их пульс.

– Живы,

Убедился он, на всякий случай. И обращаясь к третьему, командирским голосом приказал.

– Теперь двигай отсюда, увижу в этом дворе ещё разок, башку снесу, понял?

– Понял.

Протараторил тот в ответ, а сам диким, запуганным взглядом покосился на лежащих у стенки сотоварищей.

– Пошёл вон.

Добавил грозно Сашка.

– Не беспокойся, твои отлежатся и сами приползут, ночь тёплая не окочурятся. Кстати, далеко им ползти-то?

– Нет, два квартала.

Дрожащим голосом просипел невольный помощник.

– Тогда к утру доползут. Передай им всё, что я тебе сказал. Особенно про башку, услышал?

– Услышал.

– Вот и здорово, и услышал, и понял. А теперь, крути педали, пока пинка не дали.

Бандит неудачник, рванул было, с места в карьер, но следующее Сашкино слово его вновь остановило.

– Да, а зовут-то тебя как?

Спокойным примирительным тоном спросил Сашка, перепуганного парня.

– Серёгой.

Услышал он в ответ и добавил.

– А меня Шуркой, будем знакомы.

Хохотнул на это Сашка и рукой показал направление, по которому нужно двигаться Серёге. Тот безропотно исполнил это приказание. В одно мгновение исчезнув из вида, словно его тут никогда и не было, так, как бы порывом ветра со стола сдуло лёгкую пушинку. Сашка тем временем отошёл от стены метров на шесть и увидел в окне свою Олю. Она манерно помахала кавалеру рукой, даже не подозревая о том, что произошло под её окнами, и тут же задёрнула занавеску. Сашка, от счастья, буквально порхал, ощущая себя майским мотыльком. Но совсем не так, как он только что порхал перед местной шпаной.

До общежития, в этот раз, он решил пройти пешком, не стал спускаться в метро, колесить трамваями. Ему хотелось идти и делиться своим счастьем с каждым встречным Москвичом. Он даже был готов прокричать во весь голос:

– Москва, я счастлив! Москва, ты меня слышишь? Я счастлив! Я самый счастливый человек на свете!

Но улицы, как на зло, были до безобразия пустыми, лишь только редкие авто проезжали мимо него, не обращая на счастливчика никакого внимания. Поэтому вместо горла, кричала от радости его душа. Она и кричала, и одновременно пела, распространяя внутри влюблённого юноши самые, что ни на есть счастливые нотки. «Пой, душа, пой!», думал Сашка и шагал по пустынным улочкам Москвы, не замечая ни времени, ни расстояний.

Позднее, ещё много раз он бродил по пустынной Москве в одиночестве, наслаждаясь этим необыкновенным состоянием, однако, зная, что там за оконной занавеской на четвёртом этаже её дома и в следующий раз для него мелькнёт её нежная манерная ручка.

Глава 6

Мальчишеские забавы

Мальчишки, трудясь на съёмочной площадке не замечали, как летело время. Их развесёлая жизнь в кругу доброжелателей буквально была ключом. Легко справляясь с конским водопоем, им вполне хватало времени и пошалить и поработать дополнительно. Боевую троицу, то и дело, приглашали на, разного рода, вспомогательные работы. Нужно размотать кабели для подключения софитов, зовут. Нужно подтянуть лошадьми генераторы поближе к съёмочной аппаратуре, зовут. У солдатиков кончается курево, нужно проскакать пару километров до магазина, зовут. Отвезти реквизит к автобусам и опять они. Им пришлось изучить не только слово софиты, они уже знали и массу других киношных словечек, словно заправские профи. Парни понимали слова монтаж, демонтаж, направление света. Распознавали различные фильтры для дневных съёмок, для вечерних и ещё много чего другого. То есть влились в съёмочную бригаду полностью с головой. Пал Палыч своими боевыми помощниками не нарадовался. В день, когда уборочная компания перекочевала на другие поля и машины перестали подвозить ребят на работу, тот преспокойно разрешил им ездить в посёлок на лошадях. Для пацанов это было знаком наивысшего доверия, которое они с честью оправдали. Женщины, в передвижной съёмочной столовой, кормили мальчишек, что называется, от пуза и всё время баловали разного рода сладостями вплоть до сгущёнки. Свежие груши, им, первые спелые арбузы, им, пастилу, опять же им. Не жизнь, а сплошной праздник.

Съёмки были в разгаре. Вздурданные кони с всадниками в сёдлах скакали почти целыми днями. То они мчались с востока на запад, то обратно, то против солнца, то на его закате, бывали съёмки и почти что в кромешной темноте, но ребят в это время уже не было, никто не рискнул бы оставлять их на всю ночь в степи. Как не крути, а в один прекрасный момент настала пора окончания всей этой толчее. К середине июля было объявлено об завершении выездного съёмочного цикла. Солдатиков – наездников увезли в часть, коней, в основном, угнали в свои табуны, оставив только рабочих лошадей. Рабочие бригады, понемногу, начали демонтировать декорации со всеми остальными причиндалами и оборудованием. Однажды на поляну приехали грузовики и увезли софиты, генераторы, конские поилки и даже коновязь прихватили. Настал момент, когда Пал Палыч объявил мальчишкам, что их трудовая деятельность завершена. После каждому из них отдельно пожал руку и официально поблагодарил за оказанную в съёмках помощь.

– Бойцы, всё сделанное вами будет щедро вознаграждено Родиной. Вот вам благодарственные письма в школу и естественно денежная премия. Поздравляю.

Живо улыбнулся начальник, с присущим ему юмором, и вручил мальчишкам, к их огромной радости, грамоты и ещё по одному червонцу наличными деньгами, это помимо их естественного заработка, который к этому времени уже составлял по полтора рубля в день на каждого.

– Спасибо, радостно завопили ребяташки и принялись скакать по поляне.

– Ну ладно, ладно, рано ещё радоваться. Съёмкам конец, а наша работа ещё продолжается. Мы сейчас будем демонтировать воздушный шар, а ваша задача стоять подальше от тро-

сов, не отсвечивать и дружно держать вот этот шток. На нём ветровой маяк, по которому мы будем ориентироваться на силу и направление ветра. Ясно?

– Так точно, товарищ Пал Палыч.

Прокричали радостные парни и дружно схватились за врученный им шест ветрового маяка, который больше походил на полосатый чулок на палочке. Однако держать его приходилось, напрягая все их детские силы, поскольку чулок раздулся и всё время пытался уронить конструкцию на землю. Молодцы держались стойко, чулок маяка показывал ветер, бригада приступила к одному из самых сложных процессов всего трудового дня. Им предстояло опустить шар на грунт, сложить его послойно, аккуратно пересыпав слои тальком, затем погрузить его краном в контейнер и контейнер отправить в «реквизитную» киностудии, с сопроводительными документами. Возникла непредвиденная трудность. Когда этот самый шар монтировали, шёл май месяц, а в мае в этих местах ветер дует с различных направлений и тогда удобнее всего оказалось зацепить трос, который не снабжён лебёдкой к северной якорной петле. Шар вставал в удобное для дальнейшего крепления, остальных двух тросов, положение и монтажники справились без особых проблем. Сегодня ситуация в корне поменялась, ветер изменил направление и напирал с севера. Дул, то усиливаясь, то слабея, но практически не прекращаясь. Это был тот самый ветер с перевала «Тербек», который славился в этих местах своим разбойничьим норовом. Уж такова была природа этих мест и их вредного ветра. Но кто её, природу, когда спрашивал, за что, в общем-то, и поплатились.

Трос, что не был оборудован лебёдкой, никак не ослабевал, и отстегнуть карабин не представлялось возможным, поскольку этот нерегулируемый конец троса всё время находился в натянутом, как струна, положении. Двумя остальными тросами можно было бы подтянуть шар поближе к земле и открыть основной сбросной клапан, что бы быстро и полностью стравить воздух. Тогда шар распластался бы по поляне. Конечно, в этом случае с ним пришлось бы повозиться, складывая, переворачивая, подтаскивая, но так было бы безопаснее. Пацаны со стороны наблюдали за всем этим процессом, но ровным счётом ничегошеньки не понимали, они просто видели суету, слышали ругань, переходящую в брань и мирно ждали, как величественная глыба воздушного шара опуститься к их ногам и по нему можно будет гордо прошагать, о чём, собственно, давно мечтал Шурка. Процедура явно затягивалась, а шар всё не ложился, и не ложился. Чулок ветрового маячка напрягал детские руки всё сильнее, а работы никак не шли на лад. Это стало заметно даже детям. Тогда всё же решили подтянуть две тросовых лебёдки противоположных якорей, чтобы стравить воздух, поднявшись по лестнице к клапану на макушке шара, поскольку отверстия малого клапана явно не хватало. Напористый ветер задувал внутрь, через входное отверстие и шар не сдувался, а словно расправленный корабельный парус всё продолжал висеть в воздухе, словно перевёрнутая груша на ветке. Его потянули одновременно двумя лебёдками книзу. В тот момент, когда шар стал клониться ближе к земле, как бы опрокидываясь на один бок, его горловина в нижней части, оказывалась направленной к ветру и срабатывала, как огромный воздухозаборник. Шар вновь начал заметно полнеть, а его парусность стала естественно увеличиваться. Тут дело обрело весьма опасный поворот.

Пал Палыч заорал что было сил.

– Ставьте лестницу, быстро, иначе его оторвёт от якоря.

Его подчинённые работники резво забегали, засуетились, что-то орал друг на друга, отдельные слова кричали ему в ответ, но практически ничего не делали. И вдруг, едва он успел завершить свою печальную фразу, как трос, что был без лебёдки, действительно оторвало от якорной серьги. Рабочие едва успели отскочить в сторону, а те, что подбегали с обратной стороны к макушке шара, повалились на землю. Шар слёта рванул два других троса, сорвал якорные карабины, словно пластиковые колечки и полетел по ветру, поднимаясь всё выше и выше. Обретя свободу, огромное воздушное чудовище понеслось в вольное плавание, то есть неограниченный якорными тросами полёт.

Первое, что пришло на ум Пал Палычу, после этого ЧП, это пересчитать персонал, что бы никого случайно не унесло вместе с раздутым беглецом.

– Все живы?

Взволновано спросил он окружавших его рабочих.

И сам же себе ответил.

– Вроде все, слава Богу.

Уже гораздо тише проговорил он.

– Ну, что бригада, так вас рас так. Бегите теперь ловите его, государственный, всё-таки, реквизит. Кто из вас его оплатит, выходи по одному, я список составлять буду. Ни по одному, ни командой никто не вышел, все затаившись стояли на своих местах в полной растерянности и никто не знал, что делать дальше. Сам Пал Палыч так же, как и остальные стоял, шкрябая пальцами руки свой затылок. Вдруг он ощутил чьё-то лёгкое прикосновение к другой своей руке и обернулся. Перед ним стоял Шурка. Он жалостливо смотрел на командира, на глазах мальчишки блестели детские слезинки сострадания.

– Не плачь, Шурка, не плачь...

Пытался успокаивать мальчика Пал Палыч.

– Мы построим новый шар, и он полетит ещё дальше. Тьфу ты не приведи Господи.

Пал Палыч понял, что сдуру оговорился и сплюнул через левое плечо. Но Шурка подошёл не за этим, он знал, как можно спасти ситуацию и тут же дал дельный совет своему начальнику.

– Дядя Паша, нужно на лошадях погнаться за шаром и посмотреть, куда он приземлится. Если там будет дорога, то его можно будет забрать.

Эти простые слова мальчугана пролились драгоценным бальзамом на раненную душу киношника.

– Ну, дружище! Ну, даёшь... Ну, молодец!

Обрадованный, было, Пал Палыч и, не медля ни секунды, скомандовал.

– По коням, шашки наголо, за шаром... Марш! Марш!

Впятером, во главе с Шуркой Макаровым, всадники быстро настигли «беглого сорванца», так его называл Пал Палыч. И действительно, шар улетел совсем недалеко. Погоня, проскакав километров около двух, настигла его. А Сашка, знавший в этих горах все тропинки, легко прокладывал путь среди местных ущелий и ложбин. Но вот незадача. Единственная приличная скала на всё предгорье и шар завис именно на ней. Метров двадцать сверху отвесная стена, метров сорок ниже шара, такая же, да и по бокам не легче. словно некая злодейская сила взяла и припечатала эту резиновую ветошь на самый недоступный участок в этих, невзрачных на вид, горах.

– Если уж не везёт, так это на долго.

Проговорил, расстроенный Палыч. Не расстроился только маленький смельчак, Шурка Макарыч. Он резво соскочил с лошади и пошёл напрямик к скале.

– Дядь Паш, я его сейчас скину оттуда.

– Да ты что, я тебе скину. Ишь, пострел. Не вздумай, и мечтать об этом прекрати.

Взглянув вверх, и оценив ситуацию, Пал Палыч понял, что без спецотряда альпинистов, эту задачу не решить. По поводу подъезда и подвоза всё было вполне решаемо. Не автомобилем, так гусеничным трактором с телегой вполне можно всё вывезти. Выходило, что и расстраиваться поводов особенно не было. Преследователи собрались и отчалили в обратный путь, для завершения своей основной работы. Так закончилась летняя коно-киношная эпопея развесёлой ребячьей троицы, Но на самом деле, всё самое главное только начиналось.

Глава 7

Шпионские страсти

Лютый декабрь 1989 года, был лютым не только снегопадами и низкой температурой морозного Московского воздуха. Основной корпус КГБ на лубянке был точно так же пронизан,

леденящей душу простых государственных служащих, лютой стужей. Охлаждение, к ратникам без страха и упрёка, властей СССР, случилось сразу после смерти их основного защитника и учителя, уважаемого Юрия Владимировича Андропова. Кто бы после него не возглавлял «Контору», результат получался хреновым и офицерам конторы особых надежд не сулил, особенно в плане долгосрочных служебных перспектив. Всё внутри, и в правду, казалось заторможенным и остывшим. Словно вечная мерзлота, обитавшая где-то там, далеко, за горизонтом, в одночасье перекочевала из северных окраин, непосредственно в коридоры и кабинеты этого сооружения, некогда грозного, наводившего страх и ужас на шпионов всех стран и всех мастей. Народ, обитавший ныне в этих судьбой забытых помещениях, вроде бы чем-то и занимался, но никто толком и не понимал, чем именно. КГБ в одно мгновение стал не модным. Игорь Сергеевич Макаров гордо носил когда-то завидное звание капитан Госбезопасности, коим он пока ещё числился. Но вот нынче, в среде простого обывателя, это звание звучало на много хуже, чем точное определение профессии ночных фей, стоявших вдоль обочин Тверской улицы города Москвы. Это для них господин Горбачёв постарался, как говорится, от души... Это его штаб распорядился красиво осветить Тверскую, чтобы все их очаровательные «достоинства» блистали в ночных лучах диких прожекторов, словно гранёные алмазы на витринах ювелирных магазинов. Это с его слов народ ославил, некогда действительно славную организацию. Да и не народ вовсе это сделал, а наглая кучка кликуш, но назвавшихся представителями всего народа нашей России. Начальники до него её прославляли, а он «ославил», улавливаете разницу? Служивый люд КГБ понимал, что дело движется к какому-то концу, и этого конца с трепетом ожидали, создавая в структурах видимость бурной деятельности. А вот шпионы теперь не крались на секретные предприятия, не подкупали и не запугивали охрану особо опекаемых объектов. Их туда стали возить в автобусах, в сопровождении специальных представителей, той же спец. охраны. Следить за шпионами и отлавливать связных, курьеров и тому подобное, для государства перестало быть нужным. Шпионы всё увиденное свободно фотографировали и делали это вполне открыто. Они легко просматривали сверхсекретную документацию, после просмотра похлопав по плечу разработчиков секретов, удалялись восвояси живыми и невредимыми, но с полным чемоданом отснятого материала. Не жизнь, а мечта шпиона. А чем в это время занимался весь этот «грозный» Комитет? Вопрос весьма интересный, вот ответа на него нет. Это было время полного производственного коллапса. Агентура КГБ за границей была непринуждённо раскрыта поначалу негласными предателями, перебежчиками а в последствии и самим руководителем Бакатиным. Задач по разоблачению врагов, мигом ставших друзьями, никто не ставил. Кое-как ещё теплилось следствие, поскольку убийц и воров меньше не стало, чем и подбедался вышеназванный капитан Макаров, которого соратники в шутку иногда звали «пистолетом». Всё это происходило не со зла, а естественно, из-за его знаменитого однофамильца ПМ (пистолета Макарова). Сегодня утром, проходя пустыми коридорами к своему кабинету на четвёртом этаже в левом крыле здания, его вдруг остановил дежурный офицер и передал записку от его шефа. В записке было следующее: «Дождись моего приезда из ген. прок. собери докум. на Макарова Александра Николаевича 1960 г.р. Каз.ССР».

Полный перечень необходимой информации, о любом гражданине СССР был отработана десятилетиями:

Начало – рождение, далее учёба в школе, далее служба в рядах Советской Армии, далее учёба или работа после службы, к этому добавлялись работа в общественных организациях, в Партии, в Комсомоле, Профсоюзах и ещё в спорторганизациях. Далее – учёные звания, степени и т.п. И одно из самых главных, это взаимоотношения с властью: судился, седел, вышел, женился, развёлся, лечился и наконец – умер, похоронен, всё!

Собирать эту информацию настолько сложно, что может и жизни не хватить. Представьте себе смотаться в школу, запросить справку об образовании, по пути заскочить в поликлинику,

справиться о детских заболеваниях и так далее по порядку: институт, армия в трёх воинских частях, в том числе и за границей, суды, следственные отделения, городские прокуратуры и так далее, всё и вся. Главное, что эту кучу сведений необходимо успеть к приезду начальника, а он наверняка приедет часа через два.

– Где Казахстан, и где я...

Подумал Игорь и пошёл в главный архив КГБ, что располагался внизу, в подвальном помещении. Там он предъявил полученную от начальника записку и взамен забрал папку, которой несказанно удивился.

– И это всё, о нём?

Держа в руках корочки и даже не вскрывая их, Игорь понял, что его развели по-крупному. В папке бумажек не наберётся и на младенца, а ему поручили собрать полную информацию, притом на взрослого человека. За годы следственной работы он привык к получению весьма увесистых талмудов. Иногда нескольких папок, а бывало, и целые коробки с папками получал. А тут в его руках всего одна папка и весит... в общем, ни хрена не весит. Папочка, а не информация. Практически одна обложка с номером дела и десятком листиков внутри.

– Да, как бы и в самом деле не пришлось в Казахстан махнуть. Вот и пошутил со сложностью дела, вот и накаркал сам себе проблем под ноги.

Бормотал про себя Игорь, возвращаясь в кабинет из злополучного подвала.

– Ладно, не всё ещё потеряно, от нас не скроешься, однофамилец, засекреченный. Стоп. Почему засекреченный, почему я сказал засекреченный? А ведь он и впрямь засекреченный. Что на него: аттестат зрелости, школа... №... окончил в 1977г., Служба в СА – разведка! Так ты – разведка... Ёшкин кот... Тогда всё проще.

В случае, когда работать предстоит с засекреченными людьми, информацию по ним запрашивают в другом отделе, Игорь резко снял трубку и заговорил в неё.

– Геныч, привет, это Макаров. Что значит какой Макаров?

Чуть не заорал на приятеля Игорь. Своей хитростью тот постоянно подшучивал над ним при разговоре по телефону, делая вид будто бы не узнал его по голосу. А сам ждал, пока Игорь сам назовёт своё прозвище – «пистолет», тогда и он, якобы догадавшись, восклицал: «Ах, это ты, Игорёк, привет дружище». И следом весело хохотал. Игорь несколько раз попался на его уловку, но сегодня был не тот день.

– Щ-щ-ас спущусь к тебе и в ухо дам, что бы знал Макаровых и не путал их с Широковыми.

Широков, это был сам Генка, его старый приятель по службе, с которым они много раз отдыхали вместе в ведомственных заведениях, да и по службе всегда поддерживали друг дружку. А работал Генка Широков, друг Игоря Макарова в секретном отделе №17, секретной организации КГБ с секретными личностями этого КГБ.

– Не надо спускаться, я ещё пожить хочу.

Зубоскалил дружок и следом успокаивающе спросил.

– Ты чего, сведения какие нужны, али так, соскучался.

Продолжал подшучивать Геннадий, но в конце концов конечно же понимал, что вопрос будет серьёзным.

– Сведения, Геныч, конечно они, родимые.

– Называй, я весь внимания. Карандаш аж дрожит в моей руке, жду в напряжении.

– Всё шутишь, а вот мне не до шуток, пиши зубоскал несчастный. Макаров Александр Николаевич 1960-го. Казахская ССР, школа №..., в 1977г СА в 1980г Разведка, Афган, всё.

– Как всё, а почём фунт изюму, не интересуешься?

– Изюму жду от тебя я, поторопись. Шеф будет через час, если не раздобудешь изюму, я солью тебя ему как бумажку в унитаз, понял?

– Ну, вот... Был один «пистолет», теперь целых два «пистолета», застрелиться, что ли, из этих двух пистолетов?

Игорь не стал дослушивать его шуточки и положил трубку.

– Если это их клиент, то информация будет более чем полной. О собственных агентах Контора знает буквально всё. Игорь рассчитывал на пару коробок с подробнейшими описаниями подвигов однофамильца. Однако, Генка влетел в кабинет к другу почти сразу после их разговора и только с тем, чтобы положить конец его заблуждениям и праздности.

– Ну, ты влип, парнишка. Как тебя занесло в эдакие дебри?

Начал было, с порога кабинета, Геныч, даже отдышаться не успел, как следует.

– Я, когда поднял его дело, охренел. Полное отсутствие любого наличия. Тебе это о чём-нибудь говорит?

– Похоже, это заразное, теперь охренел я, поясни, ты о каком наличии или отсутствии говоришь? Сведения где? Сведения о личности М.А.Н. тобишь – Макарова А.Н.

– Сведения? На, ознакомься, но ко мне больше не приставай с этим пистолетом под номером два.

Игорь, предчувствуя скорые неприятности, медленно взял из рук друга папку, которая весила ещё меньше, чем его предыдущая папка и, положив её перед собой, также медленно раскрыл. Раскрытая, она произвела на него впечатление разорвавшейся под носом бомбы. В ней лежал только один единственный листок с напечатанным на машинке текстом. Текст на этом листке гласил: – сверху справа «Совершенно секретно», *чуть ниже и в строчку*: Макарову Александру Николаевичу, присвоен псевдоним «ВОЛК», дело передано в секретный отдел ЦК КПСС. 22.06.1987г. подписи под текстом не было.

– Это всё? Волк есть, а где же его стая? Ген, ты обещал мне событие, а тут пшик, какой-то.

– Советую тебе стаю не искать. Найдёшь проблем на свою голову или приключений на свою задницу. Останутся от тебя рожки да ножки, как в детской сказочке учили. Если бы ты был не следователем, то я по инструкции тебе этого не показал бы. Учти, шутки кончились. Давай папку назад, её из хранилища выносить запрещено, не взыщи, дружище. Пока.

Игоря вся эта история и расстроила и насторожила. Он откинулся в кресле, заложил руки за голову и, покачиваясь, стал соображать, что докладывать начальству. Секретные личности сплошь встречались на его служебном пути. Его следственный отдел и занимался такими личностями. Сплошь засекреченные учёные, агенты под прикрытием. У них ведь в жизни так же как и у простых смертных случаются катаклизмы, которые требуют расследования и дальнейших оргвыводов. А тут «ВОЛК» и точка.

– Где же логово у этого волчары? Знать бы.

Подумал Игорь, перебирая в мыслях план дальнейших действий. За мыслями и застал его звонок шефа.

– Есть, товарищ генерал.

Ответил он трубке и, прихватив тоненькую папочку, поспешил на доклад.

– Да, не ожидал, что такую штуковину мне подсунет Олег Олегович. Вот это удружил. Ну, да я ему...

Выругался вслух генерал и продолжил свою мысль дальше.

– Откажу в расследовании, как есть откажу.

– Товарищ генерал, а в чём собственно дело? О каком следствии, вообще, идёт речь?

– А, ну, да. Я же тебя в курс дела не ввёл. Слушай: у моего друга, завхоза ЦК, это так его запросто завхозом кличут, а в настоящем он нач. отд. упр. и так далее... Так вот, участковый утром ему сообщил, что вскрыта квартира, которая числится за ЦК и находится она по очень важному адресу. Видишь ли, там простые люди не проживают. Завхоз, понимая, что дело нельзя отдавать ментам на расследование, позвонил мне. Я как полный болван, так вот

запросто и согласился, а тут такая каша. Нет, пусть сам выкручивается, я ему не камикадзе, мне пожить охота.

– Товарищ генерал, а разрешите мне обследовать место преступления. Я погляжу, а там и решим.

– Тебе, пацан, что жизнь не дорога. А если случайно бумажку какую тронешь под грифом... типа 007. Или фотоплёнку обнаружишь. Да мало ли что ещё. Отвернут тебе башку. Так бывает с этими засекреченными личностями. Что наши пришлѣпнут, если секретов их коснёшься, что те, кому адрес понадобился. В общем, хрен редьки не слаще. Нет, не разрешаю. Свободен.

Игорь развернулся строго по форме и отчалил из высокого кабинет. Однако не успел он снова войти в свой кабинет, что был рангом пониже, как его прямо на лестнице догнал секретарь генерала Сорокина и вернул обратно в высокий кабинет к начальнику. Тот сидел за рабочим столом злующий, словно его обчистили в карты и не дали отыграться. Шея взмокла, лицо покраснелась, руки не находили места на крышке стола среди стопок бумаг и рядов телефонов. Он заговорил сразу и без обиняков.

– Давай так... Мне только что взлохматили холку, и сурово намекнули на большие неприятности. Заметь, я тебе холку мылить не стану, а вот неприятностями поделюсь сполна. В общем, приступай, к следствию, дальше учить тебя не буду. Учти главное, это дело переходит под контроль ЦК.

Генерал многозначительно ткнул указательным пальцем в узорчатый потолок собственного кабинета, намекая на высоту того места, из которого теперь будут контролировать ход данного расследования и, не мешкая, чуть приглушив голос, продолжил инструктировать Игоря.

– Телефоны для связи с куратором и бланки допусков к степени секретности получишь у секретаря Лѣшки. Всё. Да, как там твоѣ дело по «Припяти» и ЦК Украины?

– Сдал в конце недели.

– Хорошо, молодец, иди.

Следствие неожиданно для самого Игоря началось с очень больших неприятностей, которые он и предположить себе не мог. Первое – отправленные заполненные формы о допуске к секретности вернулись к секретарю без резолюций. Вернее, к ним была приложена единая резолюция, которая гласила, «Явиться лично (*дата, время, кабинет*) для инструктажа по указанному производству». Дата стояла сегодняшняя, время через три часа. Из сего Игорь понял, что «Дело» не терпит отлагательства. Второе – в приложенной записке указывалось, что его кабинет опечатывается, а его самого переводят в другое место, которое в документе не указывалось. Из этого он понял, что теперь и его строго засекретили. Игорь не на шутку встревожился.

– Интересно, а на следствие меня будут водить под конвоем, или ...

Не успел закончить он собственную мысль, как его вновь позвал к себе в кабинет начальник, но не через секретаря, как обычно, а лично выйдя в предбанник, где Игорь сейчас и стоял, осмысливая произошедшее. Тот мельком взглянул на Игоря и тут же, отвернувшись, исчез.

– Зайди на пару слов.

Только и проговорил он, затворив за собой дверь. Молодого военного пробрал холодный пот. Выходит я сам на всё это напросился, ведь предупреждал меня Генка, не суйся в это дело, будет плохо, а я, идиот, не послушал, лучшего друга не послушал. Олух и точка. Начальник, не дождавшись его в кабинете, вновь взглянул из-за двери и грозно пробурчал.

– И долго тебя ждать прикажешь?

– Ой, извините, товарищ генерал майор. Иду, задумался немного.

– Вот ты уже и задумался, а то ли ещё будет... погоди, и тебя скоро засекретят. Словно бумажку, в сейф упакуют и детям родным сквозь пуленепробиваемое стекло показывать будут.

– Уже.

Потупив взгляд, пробормотал Игорь.

– Вот! Чужало моё сердце. Во-о-от! Ладно, не дрейфь, капитан, ты ещё молод, полон сил, справишься. Быть тебе подполковником, вот увидишь. Я тебе неприятности накаркал, я тебе и судьбу наворочу. Бери стакан, на посошок, за тебя.

Генерал указал ему на столик, на котором в гранённые стаканы до их половины был разлит «офицерский» коньяк, а рядом на блюде лежали ломтики нарезанного лимона.

– Спасибо, товарищ генерал. А как это следствие будет организовано, вы не в курсе?

– Нет не в курсе. Если следствие на контроле ЦК, то все бумажки будешь получать через сейф, расписываясь за каждую. Сейф, это комната такая с дежурным внутри, ты видишь только его руки, а его самого не видишь. Он даже голоса не подаёт, и руки держит в белых перчатках, что бы отпечатков на твоих бумагах не оставлять.

Игорь медленно двигался по Московским улицам пешком. Полон тревожных раздумий он шёл в направлении того места, где ему назначена встреча с его будущим начальником, куратором ЦК. Точно к назначенному времени он появился в указанном кабинете и, войдя в него, доложил о себе по форме. Ответственный куратор, выглядевший как штатский человек, по возрасту не старше самого Макарова, представился Сергеем.

– А как к Вам обращаться?

Спросил Игорь, имея в виду субординацию.

– Так и обращайся. Звонить мне можешь в любое время суток, мой телефон всегда со мной и он показал изысканную коробочку размером с две сигаретные пачки с маленькой стальной антенной сбоку. Антенна выдвигалась и обратно задвигалась, когда разговор окончен. В коробочку была встроена телефонная клавиатура. Всё это выглядело весьма загадочно и необычно.

– Это что, телефон? И мне такой вручат?

– Нет, это не телефон, в полном смысле. Это скорее радиоприёмник с радиопередатчиком, но он работает с нашей АТС, и я им пользуюсь как телефоном. Тебе такой аппарат не дадут и вообще тебя полностью ограничат в связи. По поводу следствия ты будешь связываться только со мной. Всё, что тебе понадобится узнать в любой из служб, для тебя буду узнавать я, причём не лично, а по служебным каналам, так будет соблюдаться секретность.

– А мне бланки с допуском к секретности не подписали.

Слегка удручённо промямлил Игорь.

– Ты их подпишешь сейчас, вот ознакомься.

И Сергей протянул ему увесистую папку с печатными текстами, на каждой из которых красовался чернильный оттиск: «Совершенно секретно. Отпечатано в единственном экземпляре». Игорь читал текст бланков, так называемой секретности и понимал, почему его переводят в отдельный кабинет и запрещают говорить по телефону. Отдельно было прописано, что теперь он не Макаров Игорь Сергеевич, а некий участковый ОВД Останкинского районного участка города Москвы, майор Крошин Роман Сергеевич

– Хорошо, что хоть отчество оставили родное.

Подумал Игорь, но его размышления прервал Сергей.

– Это имя и отчество настоящего Крошина. Есть такой участковый, и он внешне очень схож с тобой. Его на время следствия отправили в отпуск, теперь ты займёшь его кабинет.

– Какой ещё кабинет?

Ещё больше удивился инструктируемый.

– Его кабинет в Останкинском ОВД.

Игорь чуть не поперхнулся. Ему казалось, что его сейчас отведут в подвал, посадят за решётку и будут к нему на допросы водить узников в кандалах, а всё так приятно разрешилось, прямо чудо какое-то. Он даже улыбнулся про себя.

– Я так понял, что Вы, товарищ капитан, рассчитывали на кабинет в кремле? Весьма напряжённо высказался куратор, взглянув на Игоря исподлобья.

– Что Вы, что Вы. Я надеялся исключительно на яхту в средиземном море и виллу на Пальма Де Майорке.

– Сергей сначала слегка хохотнул и, не выдержав, взорвался залиvistым молодецким смехом. С ним вместе захохотал и сам Игорь.

– С юмором у тебя в порядке, значит, дело склеится. Работать будем под прикрытием должности майора Крошина, теперь звание майор, твоё настоящее звание, поздравляю.

– С-спас-с-и-и-бо.

Еле выговорил Игорь, то есть Роман Крошев. А Сергей улыбнулся и по-деловому продолжил.

– Оружие и документы получишь завтра в отделение, придёшь как все, к восьми, сразу в кабинет к начальнику, он в курсе. Сотрудники тебя не знают, но позднее привыкнут, просто не знакомы с ними полным именем, и всё будет в порядке. В большей мере ты будешь находиться в другом офисе. У участкового есть своя комната в жилом массиве, и ещё пару квартир мы тебе соорудим. Значится так: ты участковый и ведёшь следствие по поводу вскрытия и ограбления квартиры. Официально ищешь шпану, взломавших замок и укравших ценные книги. А неофициально выясняешь, как всё было на самом деле.

– А кто он такой, этот «ВОЛК»?

– Стоп. Откуда ты знаком с его псевдонимом? Ах, да, его взяли из ваших, после того, как он раскрыл тайник на Ордынке. Что ты ещё знаешь о нём?

– Всё!

Сергей удивлённо вздёрнул вверх брови. А Игорь продолжил с загадочной улыбкой Моны Лизы на устах.

– Знаю его полное имя, отчество и школу, которую он окончил. Знаю, что он служил в ВДВ в разведке и был в Афгане, что имеет орден Красного знамени за операцию в тылу моджахедов.

Сергей успокоительно вздохнул и вновь просиял улыбкой.

– Да, и это всё, о нём? В вашем деле не густо, а ведь есть что туда подшить.

Ляпнул, было, он в запале и прервал свою речь на полуслове. Тут же сделал серьёзным выражение своего лица и продолжил читать наставления новичку.

– Вот тебе две папки. В красную, будешь подшивать бумаги по делу о краже книг. В белую папку по делу...

Сергей на мгновение задумался, не в силах сразу дать название второму делу. В нём столько неизвестных, что и не сообразишь сходу, с этим названием. Тут, сдуру решив пошутить, встрял Игорь и сделал своё предложение, громко произнес название будущей операции – «Ы». Поскольку у присутствующих в этом кабинете с юмором было всё в порядке, то Сергей, не давая паузе затянуться, так и произнёс по делу – «Ы». Игоря начал разбирать смех. Но новый начальник, сделав выражение своего лица «каменным», приказным тоном, не терпящим возражений, произнёс:

– А что тут собственно смешного, по делу «Ы» – точка.

Игорь, стоя именно в этом кабинете, раз и навсегда, уяснил, что шутить нужно в других местах, при других обстоятельствах и с другими людьми. С этой минуты он никогда не нарушал выведенного им самим правила. В высоких кабинетах шутки неожиданно, по эффекту воздействия, могут быть сравнимы с выстрелом из пистолета. Пока Макаров переваривал указания начальника и раскладывал их по полочкам строго организованной памяти, прозвучали следующие распоряжения, которые он выслушал и намотал на ус без собственных легкомысленных комментариев.

– Вот адрес и ключи от квартиры, в которой ты будешь брать оставленные для тебя документы и распоряжения. Там же будешь оставлять в случае надобности документы для меня. Папка по операции «Ы»...

Оба, не сдержавшись, хохотнули, но положение, как говорится, обязывало, выдача руководящих указаний продолжилась на серьёзной ноте.

– Будет храниться у меня, работать с документами по этому делу будешь в этом кабинете. Копии документов делать запрещено, сведения по делу «Ы», строго засекречены «Ы».

С юморным ударением на буквах «Ы» закончил свою речь Сергей, далее, в обычном порядке спросил собеседника.

– Вопросы есть?

– Да, есть вопрос. В каком месте мне можно допрашивать лиц, проходящих по делу «Ы»?

– Правильный вопрос, сечёшь дело. Это организуем так – если допрос или беседа не требуют особой секретности, то допрашиваешь у себя, а если...

Сергей вновь задумался, видимо просчитывая варианты, но тут вновь встрял Игорь, единственно уже с учётом выводов, сделанных после прежней шутки.

– Мне кажется, что учитывая особую секретность дела, допрашивать всех без исключения нужно в моём кабинете. Это не создаст излишнего ажиотажа в умах допрашиваемых. Допрос или беседа в комнатке участкового ни для кого не станет некой особенностью и не привлечёт к себе особого внимания. Это не вызовет ненужных домыслов и у самих допрашиваемых.

– Правильно, именно так, согласен. Только протоколы допросов из этой папки не храни в своём кабинете, запрещаю. Даже среди ночи они должны быть немедленно вложены именно в эту папку, не иначе.

– Ещё вопросы?

Игорь решил и смущённо спросил.

– Может быть, изменим название папки?

Намекая этим на свои извинения по поводу неудачной, как он посчитал шутки, но услышал от начальника категорическое:

– Нет. Свободен.

Из кабинета нового начальника Игорь в отличном настроении направился знакомится с новыми обстоятельствами своей работы. Почему настроение было отличным? Да всё просто – начальник оказался не зануда, хотя и с характером, кабинет хоть и не в Кремле, зато на свободе. Дело, правда, весьма сложное, но до этого он другими делами и не занимался. Выйдя из подъезда на площадь, он вдруг с радостью отметил, что снегопад почти прекратился, над крышами дальних домов показалось яркое декабрьское солнце. И тут только он вспомнил, что является новоиспечённым майором Госбезопасности. Двигаясь в сторону метро, он не знал, с кем ему можно поделиться неожиданной радостью. Улыбка «идиота» так и прилипла к его губам.

– Вот бы позвонить генералу, он был бы очень рад за меня. Жаль, что это запрещено.

Мыслил он о своём сокровенном и одновременно думал над тем, как начнёт поиски злодеев, грубо вмешавшихся в секреты нашего государства.

– Эх, сейчас поговорить бы с нашим генералом, он наверняка дал бы пару дельных советов по делу, но строгий «бесфамильный» Сергей запретил подобные вольности. Придётся выпутываться самому. Ладно, сперва, кабинеты, потом дело.

До конца дня Игорю пришлось шататься по чужим кабинетам, коридорам, квартирам и подъездам, только поздней ночью он, совершенно без сил, пришёл домой и, отказавшись от обычного вечернего душа, рухнул в постель. Ему снились летающие по комнате бумажные листы. Он пытался их уложить в красную папку, а они вновь разлетались по комнате и он вновь пытался их собрать. Кошмар продолжался до тех пор, пока он в два часа ночи не встал и не

пошёл в душ. После холодного потока воды со сменой на горячий, всё встало на свои места. В сознание пришло спокойствие, он ещё какое-то время не мог уснуть, но это обстоятельство нисколько его не мучило, он спокойно лежал, глядя в потолок и строил дальнейшие планы. Позднее, весьма неожиданно для самого себя, он уснул и проснулся, как ни в чём не бывало, утром в назначенное им же самим время. Его самое необычное в жизни следствие началось с посещения загадочного логова «ВОЛКА». Квартира была опечатана участковым, роль которого он теперь играл. Нет, не играл, он эту роль исполнял, поскольку никакой игры в его действиях не было. Он действительно стал участковым Романом Сергеевичем Крошевым и вёл вполне легальное следствие.

Дом «Волка» находился на набережной Москвы реки и был не из простых. Его парадный подъезд выглядел так, словно это не вход в жилой дом, а фойе одного из лучших Московских музеев. И ещё, входя внутрь создавалось впечатление, что это было помещение предназначенное для того, что бы схода удивить входящего и заставить его ахнуть, переступив порог этого торжественного помещения. Потолки дворцового типа, расписанные весьма умелой кистью, настолько привлекли внимание Игоря, что он забыл о цели, с которой пришёл по этому адресу. Однако вовремя спохватился и продолжил свой путь по направлению к лифтам. Здесь же рядом, у входа, находилась комната консьержа, но почему-то сейчас она оказалась пустой и входная дверь в неё была заперта. Сквозь стекло было заметно, что помещение обжито, поскольку на столе стоял термос и бокал для чая. Игорь, слегка задержавшись у застекленной витрины, прошел дальше к лифтам и поднялся на шестнадцатый этаж, где и располагалась квартира однофамильца, Макарова А.Н.

– Так вот, ты, какое, звериное логово.

Глядя на массивную входную дверь, старинной работы, Игорь подумал.

– Мне бы такую конуру, я бы не отказался стать даже «Волком».

Брякнул, не подумав, молодой майор и тут же поправился.

– Хотя, что я дурак, что ли? Мне и своей вполне хватает. На кой мне такие номера? Тут ремонта одного... Никаких денег не напасёшься.

Успокоился он и вошёл внутрь квартиры. Однако, там, внутри всё оказалось вполне обычным. Нормальная мебель, без антикварных изысков, обычная, хотя и не из дешёвых, кухня. А вот что было действительно необычным, так это высокие потолки, по прикидке в три с половиной метра и огромные комнаты, в которых можно было разместить по целой квартире простых смертных слуг трудового фронта. Игорь не считал себя человеком мало осведомлённым или мало понимающим в жизни, но квартира, всё же, поразила его воображение. Как всегда, его оценка ситуации не обошлась без шуток.

– Мама родная, да здесь для замены лампочек в люстрах нужно автовышку вызывать.

Осмотревшись вокруг, он принялся за главное дело. Но ещё не решил для себя: с какого из двух.

– Да, а с какого дела мне начать, с красной папки по книгам или с белой папки «БІ».

Промелькнуло в его мыслях.

– Ладно, буду просто смотреть, а оно само проявится. Вообще, если здесь книги достойные внимания воров? Поговорить бы с хозяином, он наверняка прояснил бы мне, что к чему. Но он, «Волчара», покусать может. Тогда пусть покусает Серёгу, у него наверняка и намордник найдётся для этого зверюги. Напишу в задании: «Допросить хозяина квартиры по поводу наличия ценных книг». Что ещё? Сами книги стоят на полках странно, обычно хозяйка ровняет их чуть не по шнурку, как табуретки в казарме, а тут разноразной. Правда разноразной тоже не слишком явный, но всё же, он есть. Вот журналы, к примеру, к ним явно не прикасались, так они в рядок и выстроены, а книги пляшут. Ну-ка, ну-ка, а как там с пылью на этих книгах? Точно, каждую книгу вынимали и ставили назад. Это что же за библиотекарь такой. Кстати, искать будем именно «библиотекаря». Люстра стоимостью в тысячу рублей не тронута, а книги

перешерстил все, до единой. Знать, интерес в бумажном экземпляре, а не в денежном. Хотя и книги бывают ценными, это нам известно.

Осматривая всё, что хотя бы немного привлекло его внимание, он обнаружил на ковре следы от стремянки, с которой библиотекарь и дотягивался до верхних полок книжных шкафов, а ещё он высчитал, важную деталь: что бы перебрать всю Макаровскую библиотеку таким дотошным образом, понадобилось бы более тридцати четырёх часов. Это под силу далеко не каждому. Догадка со временем тут же отменила его прежнюю версию о ценной книге.

– Искать наобум ценную книгу, в библиотеке из одной тысячи книг, не зная её названия и внешнего вида, это невозможно. Просматривать каждую из них, давая ей коммерческую оценку да ещё при свете фонарика, да ещё и на протяжении более суток, да ещё и стоя на стремянке. Нет, книги отпадают. Допрос «ВОЛКА», пока отменяем. Тогда что? Возможно, что искомое находится в книге, как вложение. Только в этом случае есть необходимость просматривать каждую книгу, вынимая её из ряда и возвращая на место.

Эта догадка была для следствия очень важным моментом, она позволяла встать на правильный путь и искать причину проникновения именно там, где её и стоило искать, а не бросаться на разработку многочисленных версий. Игорь и не заметил, как время перевалило за три часа дня. Это он находился в квартире, как оказалось, уже больше шести часов, и почти ничего не успел сделать.

– А что мне, собственно говоря, нужно было успеть сделать? Подведём итоги:

Я определился с отсутствием нужды в поиске книг;

Я определился с предметом, который нужен и мне и библиотекарю»;

Я определился с тем, что искать нужно «библиотекаря»;

Я ...

Словно гром среди ясного неба в квартире раздался телефонный звонок. Это был замысловатый нотный перебор, которого Игорь никогда раньше не слышал. Сам телефон стоял на полочке в прихожей, но на журнальном столике перед книжными полками тоже стоял телефон, однако звонка от него не исходило. Игорь немного замешкался, ведь ему было запрещено говорить по всем телефонам, но инстинкт следователя пересилил. Он решился на первое и единственное должностное нарушение в расследовании этого дела. Осторожно, как бы вынимая чеку из гранаты, он снял трубку и молча слушал всё, что произнесёт голос на том конце телефонной линии. Голос просто напросто ошарашил его.

– Объявляю тебе первый строгий выговор за нарушение инструкции номер сорок четыре дробь двести тридцать один. После второго будешь отстранён от расследования, с соблюдением всех требований к обеспечению особой секретности этого дела.

Это был голос Сергея. Появление этого голоса Игорь ожидал меньше всего на свете. Финт руководства оказался настолько неожиданным, что попросту срубил бравого чекиста под корень. Эдакой развязки, он предвидеть себе не мог. Ощущая себя провинившимся молоко-сосом, вытянулся в струнку и напряжённо внимал грозным выговорам начальства.

– Что удалось выяснить по делу «Ы»?

В приказном тоне выговорил шеф. Бедолага, Игорь, всё же нашёлся и, взяв себя в руки, твёрдо проговорил.

– Извините, мне запрещено говорить по телефонам, только лично.

– Правильно, поздравляю, ответ принят. Сегодня в девятнадцать ноль, ноль, в помещении два ноля с письменным отчётом о проделанной за день работе.

– Вот это проработочка!

Проговорил он и вытер платком пот со лба.

– А что будет означать – отстранение от расследования с вытекающими обстоятельствами соблюдения особой секретности? Это, то самое, о чём предупреждал меня генерал Сорокин. Не расслабляйся Игорь, не расслабляйся! Тебе ещё жить да жить...

Успокаивал сам себя Игорь. Стресс, кажется, понемногу отступил. Человеком он, всё-таки, был тренированным. Не тратя оставшегося времени даром, он тут же вышел из квартиры, заперев за собой двери и опечатав её собственной печатью. Весь в размышлениях ускоренно зашагал к ближайшему кафе, поскольку с утра ничего не ел, а выволочка начальства своё дело сделала, аппетит прорезался. После перекуса он пришёл в свой кабинет и сел за написание первого отчёта по делу. В назначенное время он уже стоял в кабинете Сергея и ждал, пока тот пригласит его присесть. Шеф явно не спешил с таким приглашением.

– Так, это правильно, мы тоже пришли к такому выводу, ценные книги не причём, поэтому первая версия и рассматривается, как прикрытие. Про тридцать четыре часа, это ты очень верно подметил, молодец, наши не удосужились просчитать. А ведь насколько это ценные сведения. Это же надо висеть на одной ступеньке стремянки, вынимая, просматривая и вставляя назад каждую книгу. Отсюда и вывод верный. Спасибо, Игорь. Присаживайся.

Игорь сел на ближайший к себе стул и сразу заговорил с начальником.

– И тебе спасибо.

– А мне за что?

– За науку с телефоном.

– А... Пожалуйста. Дай Бог не последнее.

– Что, наука не последняя?

– Нет, пожалуйста, не последнее.

Обстановка сразу разрядилась и встала на конструктивные рельсы, до этого Игорь и не знал, как себя вести дальше, после той выволочки, что ему преподнёс Сергей. Но всё сразу же нормализовалось.

– Сергей, можно вопросов немного позадавать.

– Кому, мне? Валяй.

– Хорошо.

Игорь вдохнул глубоко и начал прояснять свои непонятки.

– Мне нужно знать способ проникновения в квартиру.

Сергей отвечал на вопросы весьма странно, резко без дополнительных пояснений.

– Не установлен. Дальше...

Игорь удивлённо открыл рот.

– Как не установлен? А протокол что гласит?

– То и гласит, способ проникновения не установлен. Хотя там написано, что взлом дверей не установлен. Другими словами, дверь была открыта легальным способом, а заперли её уже наши, поменяв замок на новый. Старый замок был направлен на экспертизу, взлома экспертами не обнаружено.

– А хозяин не приезжал домой, может быть, он открыл, а запереть забыл?

– Нет, хозяин не приезжал.

– А где он работает?

– Без ответа.

– Хотя бы расстояние в километрах узнать можно.

– Нет нельзя.

– Тогда последний вопрос. А он вообще есть или это призрак.

– Он есть. Он живой человек, и нас с тобой переживёт.

– Ты его знаешь или видел.

– Нет, не видел, но общался с ним несколько раз в связи с делом «БІ».

– В, общем, многое проясняется, но, к сожалению, проясняется только то, что к делу отношения иметь не может. И на том спасибо.

– Хорошо, теперь давай я вопросы позадаю. Можно?

Игорь улыбнулся ехидной шуточке начальника и спокойным тоном голоса ответил.

– Тебе всегда можно, вот только, что я сейчас могу ответить, когда кругом одни вопросы.

– Что ты думаешь по поводу причины взлома.

– Здесь у меня только одна мысль, я её написал в отчёте.

С грустью в голосе ответил Игорь.

– Отчёт отчётом, но меня интересует ход твоих мыслей, возможно, здесь появится зацепка, и мы сможем поговорить с хозяином квартиры. Хотя разговор с ним не самоцель. Что мог он уже написать, об остальном он и сам пока что не догадывается.

– Это ты у него выяснял обстоятельства по делу?

– Нет, я всего лишь написал вопросы, и мне привезли отпечатанный на машинке листок с ответами. Он понятия не имеет, что могли искать среди книг. Мы уже думали, что перекладка книг, это маскировка некоей другой поисковой операции, но заниматься маскировкой тридцать четыре часа к ряду, нереально. После твоего отчёта эта версия тоже отпала, причём окончательно.

– Я, когда заметил, что книги вынимали и вставляли подряд, без разбора, мне в голову и пришла мысль, что «библиотекаря» нужна не книга, а то, что можно положить в книгу. Только тогда есть смысл, вынимать и просматривать каждую.

– Верно. Нечего сказать верно. То, что можно положить в книгу? Или то, что может выглядеть как книга? Как тебе такая мысль?

– Вполне подходящая мысль, дай-ка я её в отчёт впишу, иначе мне её могут не зачесть.

– Утешься, зачтут. Я, лично, тебе всё зачту, по полной.

Вновь пошутил Сергей и тут же, на серьёзной ноте, завершил поздний разговор.

– Давай-ка так, сегодня уже поздно, тебе ещё до дома добираться, а завтра в это же время с отчётом. Я тоже что-нибудь поищу, в смысле информации. Да, ещё одно важное дело. Тебя у подъезда ждёт автомобиль, за водителя трудись сам, в запертом бардачке авто такой же телефон, как у меня, из машины его выносить нельзя, но звонить сможешь в любое время, машина теперь будет в твоём распоряжении. По поводу второй квартиры, для особых встреч, пока воздержимся, в ходе работы видно будет. А в первой квартире, как тебе обстановка?

– Общага, как общага, коридор, стены. Нормально. Вот только замок хилый, взломать могут.

– Не взламывают, квартира под наблюдением и документы оттуда будут взяты сразу, как только ты их оставишь. А общага, это такое место, где легко могут появляться совершенно разные люди, не вызывая никакого подозрения. Опять же, коридор просматривается, двери взламывать трудно. В общем, по домам.

Выйдя на улицу, Игорь с удивлением познакомился со служебным, так сказать, автомобилем, хотя и в этом была железная логика. У подъезда на парковке стоял почти новенький милицкий жигулёнок. Всё как по уставу, с мигалками над крышей и синей полосой по бокам. Участковый поневоле, с ковбойской бравадой сел за руль, лихо завёл авто и умело покати по Московским тёмным улочкам прямо к дому. Те, кто выделил ему личный автомобиль, отлично знали, что рядом с домом Игоря существует крытая стоянка, на которой он держал собственный автомобиль, а то, что хозяин работает в милиции и хранит у них два автомобиля, это по большому счёту, никого не интересовало.

Сегодня был очень тяжёлый для него день. Войти в дело, прочувствовать его и так сказать, взять верное направление в поисках истины, это тема именно первого дня, она ему явно удалась.

В это время в кабинете Сергея прозвенел телефонный звонок, которого он, проводив Игоря, спокойно дожидался за своим рабочим столом.

– Слушаю, Молчанов.

Голос в трубке...

– Да, есть новости. Отчёт передал.

Голос в трубке...

– Новенький, годится. Есть понимание, есть осторожность, он проинструктирован в точности.

Голос в трубке...

– Да проверил, по телефонам не звонит. В помещения не заходит, был в кафе, обедал. К нему никто не подходил.

Голос в трубке...

– Хорошо.

Сергей положил трубку и, встав из-за стола, отправился в отдел коммуникации, который занимался передачей секретной информации между заинтересованными владельцами кабинетов этого здания, чтобы передать «наверх» опечатанный конверт, в котором лежало два отчёта, его и Игоря. А ещё он написал три вопроса, которые требовали пояснения от самого «ВОЛКА».

Пропадал ли ключ от квартиры, если пропадал, то каким образом и когда.

Что в его квартире может иметь ценность, если это можно положить между книгами или внутри одной книги.

Есть ли у него или когда-нибудь были письма, телеграммы, записки или нечто подобное, в чём могла быть сохранена важная для третьих лиц информация.

На следующее утро Игорь вновь был в волчьем логове. По-другому он это место больше и не называл. Всё вроде бы как у всех: двери, окна, шкафы, полки, даже спальня как у людей, да вот только «Волком» здесь пропахло даже оконное стекло. Он медленно подошёл к окну и стал всматриваться сквозь него в зимний уличный пейзаж. Частично в нём отражалось всё то, что находилось позади Игоря внутри квартиры. Он стоял в задумчивости и пытался осмыслить вчерашний разговор с Сергеем и ещё одновременно наблюдал вид за окном. Там, в полном снега дворе, пока что было пусто. Работники жилконторы ещё не успели разгрести всё, что свалилось из разгневанных на Москву небес за столь короткий срок.

– За что эта напасть на нас? Столько снега и всё в одну только ночь и в один только день. Эх, и предстоит им работенка... До вечера разгрести, не меньше. Им до вечера, а мне всё своё дерьмо до кого вечера разгрести. Хотя дерьмо, если честно, и не моё, но разгрести-то всё одно мне. Родина настаивает, действуй Игорёша.

Умственно приказал он сам себе и начал действовать.

– Вопрос проникновения главный и он открыт. Если дверь была не заперта, а хозяина рядом не было, значит, её открыл некто.

Ищем того, кто мог оказаться перед дверью, с ключами от этой двери и при этом не вызвать подозрения у охраны. Либо охрана его проморгала на входе.

Ищем потаённый вход в подъезд, который не под контролем вахтёра.

Проверяем вахтёров на предмет сговора с...

Вот это да, как можно ковыряться в квартире сутки, не заперев за собой двери? Это пахнет случайным человеком. Некто случайно вскрыл дверь или случайно её не запер, тогда зачем вскрыл, почему, уходя не замеченным, её не запер.

А вот если дверь вскрывалась несколько раз, следы на замке должны это подтвердить, нужно заключение экспертизы повнимательнее просмотреть, тогда и эту версию можно будет проработать. Если так, то взломщик, а он же «библиотекарь» живёт в этом подъезде, поскольку бывал в квартире несколько раз. А вот в последний, возможно, его просо кто-то спугнул и он облажался, не успев замкнуть замок. Годится, это вполне вероятно. Давай-ка подумаем с тобой вот над чем:

Размышляя, беседовал сам с собой Игорь.

– А как вообще проникают в квартиры? В них проникают через двери, через окна, через стены с полами и потолками. Двери изучены – они открыты штатно. Стены с полами и потолками изучены – они без следов повреждений. Окна изучены, они заперты изнутри. Тогда вспоминаем классику – как воры проникали через закрытые изнутри окна. Правильно они открывали окна специальными приспособлениями. Вот это да! Башка! Ай, да молодец. Посмотрим на Окна ещё разок.

Осматривая три окна, выходящие во двор здания, Игорь отметил, что одно из них с балконом. Следующее, что привлекло его внимание, это странное приспособление для уличного термометра. Оно располагалось по обе стороны оконной рамы. Сквозь раму было просверлено отверстие и в него плотно вставлен тонкий штوك. К уличному концу штока на короткой перемычке крепился сам термометр, а на внутреннем конце была небольшая ручка, поворачивая которую, можно было выдвинуть термометр к стеклу и увидеть его показания, а в обычном положении он скрывался за оконной рамой. Игорь машинально повернул ручку, взглянув на термометр, тот показывал минус семь градусов по Цельсию.

– Потеплело после снегопада, это радует.

После этих слов он с любопытством повернул ручку термометра в обратном направлении, и та соскочила со штока, но не упала на подоконник, а осталась висеть на тонкой леске, которая выползла изнутри этого штока. Шток оказался трубчатым.

– Даже такая мелочь продумана, вот буржуи делают.

Удивлённо произнёс он, будучи заранее уверен, что эта безделушка, западного производства. То, что нашим промышленникам не до бытовых изысков, это было известно каждому. Втиснув леску обратно, он нанизал на трубку и ручку. Размышляя над этой темой, сыщик отвернулся от окна и двинулся на кухню, для проведения подобной процедуры там. Но на полпути его словно током прошило.

– На балконе нет снега! После ночного снегопада там должен быть снег, куда он подевался? Вот оно, проникновение.

Вновь, не замечая текущего времени, рассуждал Игорь, а меж тем оно время перевалило далеко за полдень. Зато сегодня оно потрачено не напрасно, он не только определился с одной из главных задач, на сей день, но и перевыполнил план. Используя собственный шпионский опыт, он с оперативной сноровкой соорудил с десяток маячков по всей квартире и вмонтировал в карниз библиотечной комнаты маленькую скрытую камеру, которая как у каждого разумного чекиста всегда была под рукой. Конечно, нужно было бы побольше видеофиксаторов, но у него их попросту не оказалось в наличии, а пишущий на небольшую видеокассету аппарат, который был намного больше камеры, он спрятал в чулане, где хозяева хранили всякую мелочь, типа сапог и халатов. Аппарат был не самым совершенным, но вполне пригодным для данного наблюдения.

– Пока хватит одной камеры, а там видно будет. С другой стороны, если, установить побольше камер, то появится больше возможностей случайно их обнаружить. Теперь срочно связь. Дальше дело за Сергеем. Стоп! А если подумать?

Игорь остановился и погрузился в собственные размышления.

– Связь после обеда, она намного качественнее. Сергей, ведь если разобраться, узнав Игореву новость, срочно дёрнет его к себе, обед накроется и будет заменён написанием нового отчёта, а это не есть – хорошо. Решено: сперва обед.

Чуть было не отошёл от окна Игорь, но на мгновение задержался и не зря. Мысли всё продолжали вращаться в его мозгу.

– Ладно, думать можно и за обеденным столом, думать можно и на ходу. Ещё и в Жилконтору заглянуть не помешало бы. Там тоже нужен шум по поводу кражи книг. Ого, а это что за фрукты. Такие два сеньора мандарина нарисовались, и всё это посреди зимы.

Он, после догадок о балконе, всё ещё продолжал размышлять над этой темой, одновременно глядя в окно на две странные фигуры, которые появились из-под дворовой арки дома, находившегося по ту сторону внутреннего двора. Парочка показалась ему странной тем, что явно за чем-то или за кем-то наблюдала. Но делали они это настолько непрофессионально, что их шпионское происхождение Игорь отмёл сразу. Да и одеты они были слишком приметно. Вязанные цветастые шапочки, старые, перештопанные куртки, да ещё древние, как останки мамонтов, кирзачи, явно не выдавшие гуталина от собственного рождения. Хотя и далековато до них было, но Игорь разглядел парочку весьма подробно. Пока он вёл наблюдение, к ним подошёл мужчина, весьма респектабельного вида, о чём-то с ними переговорил, взглянул на часы и они тут же разошлись в разные стороны. Двое странных, пошли назад под арку и исчезли за ней, а респектабельный удалился вдоль двора и свернул за угол противоположного дома.

– Хорошо бы выяснить, что за людишки, и чем это они здесь занимаются?

Игорь сел в служебное авто и, не успев вставить ключ в замок зажигания, услышал телефонный зуммер из бардачка машины. Быстро достал звенящую симпатичную коробочку и выдвинул маленькую антенну. Телефон тут же заговорил.

– Привет, ответработник. Как успехи?

Предчувствия Игоря его не подвели, про обед пришлось забыть. Как только Сергей узнал историю о балконе, тут же приказал ехать к нему с докладом.

– Вот ведь как бывает, только подумаешь о начальстве, оно тут же подумает о тебе. Стоп, а в самом деле, откуда он узнал, что я сел в жигуль? Игорь, за тобой следят.

Промелькнуло в уме следователя по особо важным...

– Точно следят, в общем, ничего тут странного нет. Странно было бы, если бы не следили. Просто будем иметь ввиду. И наверняка в квартире уже установили аппаратик, или даже два. Проверим.

Игорь, войдя в кабинет Сергея, нескромно просиял и понял, что ему в начальники достался истинный руководитель. Он же, заботливой отец-командир. На угловом столе кабинета стояла прекрасная еда. И Сергей тут же указал ему на этот нескромный стол, как только тот вошёл в кабинет. Они сидели за столом, обедали и обменивались разными предположениями по поводу последних новостей из «Волчьего логова».

– Значит, он организовал вскрытие квартиры лишь для того, чтобы соорудить механизм вскрытия окна, замечательно. Мы запираем квартиру и думаем, что там никого нет, а он в это время орудует внутри сколько ему вздумается. Хитро. Так ловко он нас использовал, что я им начинаю восхищаться. Кстати, ты напрасно рассчитываешь только на маячки. Ведь лучше было бы зарядить квартиру всем, под завязку.

– Думал об этом поначалу, но отверг.

Уверенно произнёс Игорь.

– Почему не посоветовался?

Резко спросил Сергей.

– Просто входить второй раз в квартиру после звонка тебе, слишком подозрительно. Да, и маячки покажут, в каких комнатах побывал библиотекарь, какие шкафы открывал, а порядок в них я ещё в первый день срисовал.

– Какой библиотекарь, ты о чём, или о ком говоришь?

– Это так, я про себя назвал нашего клиента библиотекарем, поскольку его интерес к книгам и литературе налицо.

– Грамотно, пусть будет библиотекарем. Тогда, сделаем так, установим камеры в доме напротив балкона. Но замаскируем, так, что бы хитрый библиотекарь их не обнаружил. Кстати, этих твоих мандаринов уже нашли, они для нас бесполезны. Два старых алкаша, подрабатывают разными работами, типа – подай, поднеси. Пасутся во дворе и около двора уже третий год. Попросту сшибают пузыри с богатеньких жильцов, так, что не трать на них время. А вот

в ЖЭКе. побывай. Консьержей не беспокой, они после ЧП все новые, такой порядок. Старые, уже опрошены и разосланы по разным местам. От них толку нет, ничего не видели.

– И всё же, дай поговорить с одним, с тем, который дежурил в ночь со взломом.

– Поговори, вот его данные, я этого от тебя уже ожидал.

– И ещё, можно я всегда буду отчитываться вот так, за этим столом?

– Если новости будут того стоить, то да.

Рассмеялся Сергей, сочтя эти слова за комплимент в свой адрес.

– Ещё есть вопросы?

– Да, один. Мне пришла повестка из конторы в донорский кабинет, раньше ходил к ним никого не спрашивая, я сегодня прочёл и оробел, прямо не знаю, как и быть?

– Донорство дело полезное, иди. Ваш кабинет для переливания крови не в конторе?

– Нет, это недалеко от Шуховской башни, На Шабаловке, во дворах.

Расстались они в бодром настроении и в полной уверенности, что птичка скоро будет в клетке. Но не только сама певунья-птичка, а так же все её тайны будут находиться в этой же клетке.

Игорь помчался в свой кабинет, что бы заняться бумагами из первой папки, а Сергей вновь сел за стол, дожидаться звонка. В этот раз после того, как он полностью отчитался за день, ему поручили пойти в отдел коммуникации и получить следующую почту. По законам секретности, что было в отправленной ему почте, естественно не сказали, но он легко догадался сам. И спустя четверть часа он уже держал в руках пакет, в котором были ответы на заданные им «ВОЛКУ» вопросы.

(Пропадал ли ключ от квартиры, если пропадал, то каким образом и когда).

Да пропадал, этим летом в августе. Связка из двух ключей, от квартиры и почтового ящика, лежали в кармане дачной рабочей куртки, Хозяин посчитал, что просто обронил их в траве. В машине всегда лежал запасной комплект ключей от дома и дачи. Пропали ключи только о квартиры и почтового ящика.

(Что в его квартире может быть необычного в бумажном исполнении, если это можно положить между книгами или внутрь одной книги).

Подобных ценных вещей нет. Но из необычных: была одна общая тетрадь, типа дневника, ещё в школьные времена, затерялась где-то на Родине в Казахстане. Первоначально она оставалась у знакомой девочки Наташи Озеровой, она давно из посёлка уехала, что с тетрадью неизвестно.

(Есть ли у него сейчас, или когда-нибудь были письма, телеграммы, записки, или нечто подобное, в чём могла быть сохранена важная, для третьих лиц, информация. Хранит ли он собственное завещание).

Нет.

– Вновь ничего не прояснилось. Его детский дневник. Неужели это и есть цель проникновения с такими запредельными подготовительными действиями. Представим себе картину: Похитить ключ и выждать четыре месяца до проникновения.

Проникнуть в квартиру, что бы установить механизм свободного доступа в ту же квартиру.

Работать профессионально, не оставляя следов и при этом не запереть входную дверь, при наличии ключа.

На столе, в рабочем кабинете Игоря, не умолкая надрывался телефон. Имея неприятный опыт прикосновения к этой пластмассовой штучке он, молча взирая на него, снимать трубу не собирался. Продолжалось это довольно долго, как вдруг в его кабинет влетел его временный начальник, подполковник милиции Голубев. Оказалось его специально выдернули из кабинета и прислали по данному адресу, что бы он попросил Игоря позвонить по телефону. Подполковник, буквально ворвавшись в кабинет, протарабанил эту просьбу своим точёным командирским голосом. Одновременно утирая платком пот, проступивший под милицейской шапкой от перенапряжения нервов.

– Вам велено позвонить (00)

– Спасибо.

Ответил Игорь, и пошёл к служебной машине. Там он и связался с Сергеем, догадавшись отчего без умолку трещал телефон в его рабочем кабинете.

– Игорь, с этого дня разрешаю брать телефон с собой, но с особыми мерами предосторожности, в присутствии посторонних его не свети.

– Есть.

Ответил подчинённый, и тут же получил приказ вновь явиться в указанный кабинет.

– Вот бы и ужином покормили, жуть как я проголодался. А в квартире еду ещё и готовить нужно.

Отчёт был им написан и вручён адресату. На что Сергей одобрительно кивнул.

– Вот тебе листок ознакомься.

Прочитав напечатанное, Игорь заключил.

– Да не густо, но так что, врагам понадобился дневник с детскими воспоминаниями?

– Думаю так. Во всяком случае, ничего другого у нас нет. С другой стороны, если сегодня он «ВОЛК» – причём все буквы в его псевдониме заглавные, то и записи в дневнике могут быть неординарными. В любом случае, обрати на это особое внимание. Чаю хочешь?

– Не откажусь.

В который день Игорь приползал в собственное жильё чуть живым. Отжатое после полоскание полотенце и то выглядело бы устойчивее, а он и без отжима чуть не валился с ног. А завтра без перекуса на завтрак, на голодный, так сказать, желудок и к кровососам на экзекуцию.

– Где наша не пропадала, прорвёмся, тем более развязка не за горами, библиотекарь под плотным наблюдением. Его наверняка уже пасут и с улицы и внутри здания.

Глава 8

Необыкновенные приключения школяров

– Толян, у меня есть идея.

Подъехал на велосипеде ко двору друга, запыхавшийся Макарыч.

– У меня она тоже есть.

По обычаю невозмутимо ответил его друг.

– Твоя идея, та же самая, что и у меня?

Переспросил для пущей важности ошарашенный ответом Шурка.

– Да, и у Витька она та же самая.

– Тогда почему мы тут, а не там. День-то, похоже, будет замечательным. Часа три в один конец ехать. Обратно с гор вниз покатымся на великах, на много быстрее доберёмся за час. Ну, что, двигаем?

– Давай, только Витька дождёмся, он вчера обещал пораньше сюда к нам подогнать. Мне лично он так и сказал: «Вот увидишь, с утра примчится Шурка нас с тобой агитировать, а мы уже наготове».

Эти странные, сплошь на полунамёках, переговоры между заговорщиками состоялся спустя всего лишь день после их расставания с Пал Палычем. Запретный плод, он всегда сладок, это знает каждый. То, о чём пацанам и думать запретили, то есть идея о снятии воздушного шара со скалы, полностью овладело их беспокойными умами. Никому, ничего, не сказав, партизаны в тайне решились на опаснейшее мероприятие. Им захотелось прославиться окончательно. Они фантазировали себе, как радостный Пал Палыч вновь будет пожимать им руки и может быть наградит премией. А то, что это опасно для жизни, им и в голову не приходило, им казалось, что никакой опасности, в общем-то, нет. Влез по скале, скинул зацепившееся полотно и делу конец. Это было обычное детское безрассудство, не иначе.

Заговорщики начали действовать по собственному тайному стовору. Собрав с собой немного еды, они поехали на велосипедах в горы к зависшему на скале шару, сказав взрослым, что поедут купаться за село. Поскольку это было обычным для ребятни делом, то и внимания никто не обратил. Воду, в этот раз, с собой брать не стали, чтобы не везти в подъёмы лишнего груза, в горах всегда можно напиться из родников. В действительности добрались они до обозначенного места довольно быстро. Идея фикс – снять шар со скалы и аккуратно его уложить, для дальнейшей транспортировки, придавала им дополнительные силы. Бригада горе альпинистов добралась до места операции почти к обеду, решили перекусить, и после этого приступить к делу. Пока Толик и Витёк раскладывали продукты, Шурка снял привязанный к багажнику велосипеда мешок и достал из него моток прочной, но не толстой верёвки.

– Ого, где такую достал?

Удивлённо спросил Витёк.

– Это Пал Палыча. Он прицепил маток к моему седлу, когда за шаром погнались. Пока скакали, верёвка соскочила. После я про неё забыл, а он и не напомнил. А вчера я сам вспомнил. Тут совсем недалеко подобрал её, пригодится.

– Ничего себе, ещё как пригодится. По ней, если что, и со скалы спуститься можно.

– Можно. Но лучше ею привязываться, что бы с этой скалы не свалиться.

Далее производственная необходимость заставила парней разделить следующим образом – Витёк остался внизу, а толик и Шурка полезли на скалу справа от шара, высвободив имеющиеся зацепы. Снизу эта каменная махина казалась совершенно неприступной, но на поверку вышло, что по ней вполне можно передвигаться. Раскрошенные трещины, масса уступов, в некоторых местах имелся вросший корнями в расщелины кустарник. Основную опасность на ней представлял растрескавшийся скальный базальт. Некоторые выступы были настолько ненадёжны, что встав на них, можно было свалиться вниз вместе с обломившимися камнями. Скалолазы медленно, но уверенно поднимались вверх, как бывалые альпинисты. Сказывались прежние горные забавы, а именно: лазанье по малым скальным выступам в прошлые годы. Освобождая ткань шара из каменного плена, они осуществляли подъём не один за другим, а почти параллельными курсами. Такая методика уберегала нижнего от падения на него случайно обрушившихся камней и позволяла хорошо видеть друг дружку, подсказывая товарищу о замеченных рядом опасностях, поскольку это виднее со стороны. Если честно, то таких скал, с вертикалью под сто метров им покорять ещё не приходилось, но «лазать по верхам», как они этот процесс называли, опыт уже был. Шурка, к тому же, поднимал с собой и моток верёвки, подвязав его за спиной по типу рюкзака. Худо-бедно, но к первому тросу воздушного шара, они добрались успешно. Шурка, приблизившись к нему, обнаружил, что конец самого троса был грубо оборван, и в результате этого он разлохматился и оцетинился в разные стороны острыми концами стальной проволоки как озлобленный дикобраз. Привязывать к такому взлохмаченному основанию канат было весьма сложно. Да и тянуть его по камням среди кустарников было бы проблематичным. Остальные два конца были по другую сторону шара, а один так вообще между полотном и скалой. Чтобы восхождение не оказалось совсем уж провальным, бойцы договорились сбрасывать полотно шара с торчащих вокруг камней. Вот

так, поднимаясь вверх и опускаясь вниз они перекладывали тело шара всё дальше и дальше, в направлении к его середине. Однако, здесь сработал закон накопления массы и сыграл свою роль. Хоть ткань, из которой был создан этот чудо пузырь, и была необычайно лёгкой, в общем-то, и тканью её назвать можно было с большой натяжкой, но уложенная в несколько слоёв, она становилась неподъёмной. В большей степени из-за того, что парни не просто стояли рядом с её кромкой, а практически висели на одной руке, опираясь ногами на всё, что только подвернётся. Будь в таком положении взрослый человек, ни за что не удержался бы. Масса детского тела, в этом случае, играла не маловажную положительную роль. Любой наблюдатель, случайно оказавшийся рядом, сошёл бы с ума немедленно. То, что происходило вокруг этой скалы сегодня, было вовсе не цирком, это было полное помутнение рассудка у спятившей окончательно троицы. Они повисали на одной руке, срывались с опрокинувшихся камней, чудом хватаясь за торчащий кустарник, судьба в этот раз к ним была благосклонной. В общем родителям демонстрировать подобное строго запрещается.

При всех имеющихся минусах, первый трудовой день на скале прошёл без особых эксцессов не считая упомянутых мелочей. Ребята спустились вниз совершенно обессиленные и опустошённые. В скалолазании есть одна странность. Вверх ползти очень опасно, но можно. Вниз спускаться смертельно опасно и нельзя. Когда начинаешь спускаться с почти отвесной скалы, тело скалолаза автоматически прижимается к ней или к отдельным её камням, что бы удержать равновесие и не упасть. В этом положении совершенно не видать во что упираться ноги. Это место и нащупать невозможно, ведь нога в обуви, совсем не то, что пальцы рук. По этой причине ребятам пришлось спускаться вниз, через подъём вверх. Они карабкались к вершине скалы, а под ними в это время простиралась пропасть около ста метров в высоту. Опасность грозила бесшабашным мальчишкам буквально на каждом их шагу. Но, в конце концов, поднявшись вверх, они обошли скалу стороной и спустились к её подножью, где их дожидался третий из товарищей. Видя усталость вымотанных мальчишек, Витёк спросил.

– Как там, на верху? Скользит или можно ползать?

– Можно, если осторожно.

Грубой шуткой ответил Шурка на его фразу, заваливаясь на травяной ковёр. Подошедший Толик рухнул рядом. Чувствовалось, что мальчишки находились на пределе физических возможностей и Витёк не стал их беспокоить новыми вопросами. Провалившись неподвижно, словно дровяные чурбанчики, около получаса, им удалось слегка пополнить растраченные, было, силы. Первым поднялся Толя, тяжело вздохнув, он предложил оставить верёвку здесь у скалы и не возить её с собой в посёлок. Так, изворотливо хитро высказался, лишь для того, что бы начать разговор и уяснить: нет ли в строю дезертиров, которые на завтра собираются построить другие планы, отличные от продолжения выматывающей операции «шарики за ролики». Ему стало интересно, всё ли согласятся на завтрашнее подобное турне.

– Конечно здесь, чего её за собой таскать. Завтра снова пригодится, отозвался Шурка.

После такого ответа всё сразу встало на свои места, и разговор перешёл в конструктивное русло.

– Завтра сверху будем скатывать полотно. Там ещё нужно будет добраться до клапана, проверить, чтобы он ни за что не зацепился, иначе потянем и разорвём всё вдребезги, шар можем попортить, а ведь жалко.

– Отдыхались? Поехали домой.

Они быстро подняли велосипеды и с горки вниз, по промытым дождями и проторенным овцами тропинкам покатали к дому. Первый день спасательной операции прошёл хоть и с малым успехом, но за то без особых приключений. Дорога в село была хоть и не близкой, но велосипедисты преодолели её весьма скоро. Действительно, ехать приходилось в основном вниз, работать педалями намного легче. По домам они разбрелись ещё до заката. Поэтому их

долгое отсутствие подозрения ни у кого не вызвало. На утро всё снова повторилось – встретились, собрали нехитрой еды и покатали.

– Макарыч, сегодня я полезу на верхи, а здесь другой пусть остаётся.

Заявил Витёк продежуривший вчерашний день внизу. Но у атамана планы были совершенно другие. Шурка весь вечер до того, как его сморил сон всё продумывал и просчитывал, как им справиться с делом получше и побыстрее. И тогда ему на ум пришла одна неплохая идея, которую он выложил уже под скалой.

– Парни я предлагаю поступить иначе. Вот смотрите, берём пучок сухой травы, заворачиваем его в полотно шара и получаем упор для верёвочной петли. Привязываем верёвку к верхнему концу полотна и вдвоём тянем вниз. Я буду наверху поправлять шар, если он за что зацепится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.